

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

1.

	Стр.		Стр.
1. В. А. Жуновскій къ Государю Императору Александру Николаевичу. Три письма 1848 года.	7	боты у графа Евдокимова.—Офрейнтъ.—Руновскій.—Письмо Фаддеева.—Очеркъ жизни графа Евдокимова.—Его автобіографическія письма къ Ключеву.—Памятникъ ему).....	67
2. Великій князь Константинъ Павловичъ къ графу Бенкендорфу. Письма 1829—1831 годовъ.	20	7. Эпизоды изъ событій 1861—1864 гг. Воспоминанія современника - очевидца. I. Самоубійство Герштенцвейга (1861).....	103
3. Графъ Бенкендорфъ къ великому князю Константину Павловичу, во время Польскаго мятежа.....	33	8. Къ біографіи поэта Веневитинова (Причины его рановой кончины). Статья М. А. Веневитинова).	113
4. Изъ воспоминаній Леонида Федоровича Львова. 1837. I и II (Столкновеніе съ часовымъ на заставѣ.—Графъ Киселевъ и Завидовскій ямщикъ.—Императоръ Николай въ Ковнѣ и Вильнѣ.—Дерзость Польскихъ дамъ).....	43	9. Стихи А. Н. Муравьева про статую Аполлона Бельведерскаго.....	132
5. Изъ Записокъ стараго Преображенца. 1855. (Кончина Государя.—Смѣна графа Э. Т. Баранова Мушкетеромъ—Пушкинымъ.—Икона въ Бѣлостокѣ).....	54	10. Графъ Бенкендорфъ о мнѣніи сумасшедшихъ Чадаева.....	132
6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана *). 1857. Главы III—VI. (Главный докторъ въ крѣпости Грозной.—Освѣженіе умовъ.—Шалинское укрѣпленіе.—Письменные ра-		11. Три новыя письма Вольтера. (Сообщилъ Д. Ф. Кобенко).....	133
		12. Листокъ изъ архива села Знаменки Н. П. Барсукова.....	137
		13. Разныя разности.....	139
		14. Стихи Н. Ф. Павлова въ Московской долговой ямѣ.....	142
		15. Орелъ съ его уздами. Стихи С. А. Соболевскаго.....	143

*) Новыя подписчики, не имѣющіе Русскаго Архива 1884 г., гдѣ начаты печатаніемъ эти Воспоминанія, могутъ, по заявленіи, бесплатно получать первыя двѣ главы.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ графа Н. И. Евдокимова.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

РУССКИЙ ЯРМЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

DAS IRDISCHE LEBEN FLIESST,
UND DIE TOTTEN DAUERN IMMER.

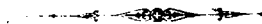
Schiller.

Жизнь живущихъ неѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Жуковский.

1885.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА.

1.

Въ 1837 году, въ началѣ Генваря мѣсяца, я съ матушкою моею, Елисаветою Николаевной, возвращался изъ Кронштадта въ Петербургъ. Дорога шла по льду Финскаго залива. Мы ѣхали въ возкѣ, запряженномъ четверкою лошадей. Въ то время было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ въѣзжающіе въ столицу и выѣзжающіе изъ нея подавали непременно записку о своемъ званіи и имени стоявшему при шлагбаумѣ часовому. Когда мы подъѣхали къ дорожному шлагбауму на Кастильскомъ въѣздѣ, часовой потребовалъ отъ меня злополучную записку, которую я къ сожалѣнію забылъ взять изъ Кронштадта.

— «Кто ѣдетъ? Пожалуйте записку!»

— «Записки нѣтъ, а ѣдетъ тайная совѣтница Львова и камеръ-юнкеръ Львовъ». Но часовой шлагбаума не подымалъ и настойчиво требовалъ записки.

Былъ сильный морозъ, уже смеркалось; пришлось выдти изъ возка, чтобы записаться на гаубтвахтѣ. Возвратясь къ экипажу, недовольный и нѣсколько разсерженный настойчивостью часового, я сѣлъ въ возокъ и въ слѣдъ часовому, который скомандовалъ уже «бомъ-высь», сказалъ:—«Убирайся, дуракъ!»

— «Какъ? Вы изволите ругаться? Опускай шлагбаумъ!»

— «Чегоже ты хочешь еще отъ меня?»

— «Ничего-съ, я васъ при рапортѣ представлю къ его превосходительству г. коменданту».

Представьте наше положеніе: при въѣздѣ въ городъ, на морозѣ, насъ держать цѣлый часъ, пока унтеръ-офицеръ редактируетъ рапортъ коменданту! Матушка очень встревожилась, приискивала все-

возможныя средства, чтобы задобрить часоваго, и чуть ли не видѣла меня уже посаженнаго въ Петропавловскую крѣпость.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, унтеръ-офицеръ вышелъ изъ гаубтвахты, приставилъ верховаго казака къ нашему экипажу, раздалась команда «бомъ-высь» и мы церемоніаломъ, съ казакомъ передъ дышломъ, должны были шагомъ проѣхать весь городъ.

Высадивъ матушку въ Галерной улицѣ (около Сената) въ домъ, гдѣ она жила, казакъ доставилъ меня въ Зимній дворецъ къ коменданту, генералу Захаржевскому, хорошему знакомому нашего семейства. Выслушавъ обо всемъ случившемся, комендантъ весьма любезно успокоилъ меня, вошелъ со мною въ прихожую, разорвалъ полученный отъ казака рапортъ и, отпустивъ меня, поручилъ сказать моей матушкѣ, что все это пустяки и никакихъ послѣдствій не будетъ. Вернулся я домой, весьма довольный, что все обошлось благополучно.

На другой день, я дежурилъ при графѣ Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ. Пріѣхалъ къ графу комендантъ и, проходя мимо меня, шепнулъ:

— «Je viens parler de vous. Votre affaire d'hier prend une très-mauvaise tournure!» *)

Долго онъ бесѣдовалъ съ графомъ, и лишь уѣхалъ, Павелъ Дмитріевичъ позвалъ меня и очень гнѣвно спросилъ:—«Что вы надѣлали?» (Слово «вы» уже доказывало, что графъ недоволенъ мною). «Ваша неосторожность и опрометчивость влекутъ за собою весьма серьезные послѣдствія. Расскажите, что было?»

Я передалъ графу въ подробности обо всемъ, что произошло, и упомянулъ объ увѣреніяхъ генерала Захаржевскаго, что послѣдствій никакихъ не будетъ. Графъ съ видимымъ негодованіемъ продолжалъ: «Очень сожалею. Унтеръ-офицеръ, помимо коменданта, рапортовалъ также и дежурному по карауламъ, который въ свою очередь отпрапортовалъ Великому Князю Михаилу Павловичу *о буйномъ вашемъ поступкѣ*. А такъ какъ въ лицѣ часоваго, на основаніи военныхъ законоположеній, оскорблено Его Величество, то Великій Князь приказалъ назначить формальное слѣдствіе съ отдачею васъ подъ судъ. Вамъ угрожаетъ разжалованіе. Вотъ слѣдствіе необузданности вашей, и пр. пр.»

Я былъ не столько сконфуженъ, я былъ пораженъ! Великаго Князя знали за очень строгаго, настойчиваго преслѣдователя всѣхъ

*) Я стану говорить про васъ; вчерашнее ваше дѣло принимаетъ очень плохой оборотъ.

нарушителей военных формальностей, и у меня не хватило ни духу, ни слова отвѣчать графу Киселеву. Я стоялъ какъ вкопанный, молчалъ и ожидалъ дальнѣйшихъ его приказаній. Помолчавъ немного, графъ всталъ, началъ ходить скорыми шагами по кабинету, потомъ, стиснувъ зубы, прибавилъ: «Мнѣ очень прискорбно и досадно, что ты именно попался въ такую непріятную исторію; я этого никакъ отъ тебя не ожидалъ! Ты получишь отъ коменданта требованіе явиться къ слѣдствію и извѣстишь меня о послѣдующемъ».

Цѣлую недѣлю продолжалось слѣдствіе; ежедневно меня требовали въ ордонансъ-гаузъ къ допросу; давали очныя ставки съ часовымъ и цѣлымъ карауломъ; унтеръ-офицеръ и часовой показывали, что я бранился неприличными словами (чего въ присутствіи матушки я уже никакъ не могъ себѣ позволить), и вообще, судя по ихъ показаніямъ, можно было заключить, что я дѣйствительно разгромилъ весь караулъ. Въ то бывшее время вообще военные смотрѣли на нашего брата штатскаго съ высока и какъ бы враждебно; поэтому слѣдствіе велось въ такомъ направленіи, чтобы елико возможно раздуть мою виновность.

Тѣми же днями, во время устроеннаго пріема въ Таврическомъ саду и катанія съ ледяныхъ горъ, графъ Киселевъ обратился съ ходатайствомъ къ Его Высочеству Михаилу Павловичу обо мнѣ; но Великій Князь изволилъ отозваться о моемъ поступкѣ съ такою строгостью и раздраженіемъ, что послѣ катанья изъ Таврическаго сада графъ С. Ѳ. Апраксинъ и графъ М. Ю. Вельгорскій пріѣхали къ матушкѣ, чтобы узнать, что именно было поводомъ къ такому негодованію Великаго Князя на графа Киселева и что я могъ такое сдѣлать?

Исторія эта быстро разнеслась по городу, и мнѣ нельзя было показаться ни въ обществѣ, ни въ театрѣ, чтобы меня не окружали и не спрашивали о случившемся.

По окончаніи слѣдствія и двухнедѣльнаго моего томленія, дѣло, наконецъ, было доложено Государю Николаю Павловичу, и комендантъ лично привезъ доложить графу Киселеву резолюцію Его Величества. «Поручить Киселеву—сдѣлать строгій выговоръ Львову, со внесеніемъ «этого выговора въ послужной его списокъ».

Графъ не менѣе меня былъ доволенъ таковымъ счастливымъ окончаніемъ дѣла. Онъ поздравилъ меня, и, повторивъ все, чему я могъ бы подвергнуться, сказалъ:—«Государь милостивъ. Строгій выговоръ! Я довольно уже, кажется, наговорилъ тебѣ о твоей неосторожности. Передай директору канцеляріи, чтобы въ первомъ номерѣ циркуляра

министерства было объявлено тебѣ о высочайшемъ выговорѣ, и будь остороженъ на будущее время».

Я исполнилъ приказаніе графа, и циркуляромъ по всей Россіи былъ объявленъ высочайшій выговоръ «Камеръ-юнкеру Львову за буйный поступокъ его на Кастильскомъ вѣздѣ».

Только въ 1856 году, во время коронаціи Александра Николаевича, по ходатайству графа Павла Дмитріевича, высочайшій выговоръ былъ исключенъ изъ моего послужнаго списка, и *мой буйный* поступокъ, благодаря участию Павла Дмитріевича, остался незабытымъ лишь въ циркулярѣ министерства, да въ моей памяти; а унтеръ-офицеръ Финляндскаго полка, надѣлавшій столько тревоги и шума, былъ награжденъ отъ Великаго Князя 10-ю р. за исполненіе своей обязанности.

Хотя дѣло кончилось благополучно, но я долго не могъ забыть тревожнаго времени, и даже долго спустя послѣ этой исторіи, встрѣчая на улицѣ солдата, давалъ ему дорогу и сходилъ съ тротуара.

Съ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, на балу въ Зимнемъ дворцѣ у Наслѣдника престола, Великій Князь Михайлъ Павловичъ милостиво, какъ бы шутя, изволилъ обратиться ко мнѣ со словами: — «Знай, что я не дозволю вамъ буянить на гаубтвахтахъ. Только солдатская шинель можетъ васъ, молодежь, исправить!»

II.

Домогаясь ближе познакомиться съ дѣйствительнымъ бытомъ и нуждами крестьянина, съ его хѣзяйствомъ, обычаями и тою неурядицею, каковая усматривалась въ то время въ ихъ администраціи, графъ Киселевъ не довольствовался командированіемъ по Россіи избранныхъ чиновниковъ для составленія подробныхъ описаній по каждой губерніи отдѣльно (краткое извлеченіе изъ которыхъ представлялось на высочайшее воззрѣніе), но самъ лично, въ поѣздкахъ по Россіи, по волостямъ и селеніямъ, бесѣдовалъ съ крестьянами, прислушивался къ ихъ неудовольствіямъ, тягостямъ и всячески старался какъ бы согласовать предназначаемыя реформы съ дѣйствительною потребностью края. Онъ выслушивалъ каждого; ни одна дѣльная мысль не проходила для него безслѣдно. Даже простымъ, безхитростнымъ взглядомъ на вещи крестьянина графъ никогда не пренебрегалъ. Такъ однажды, въ первое еще время (1836) завѣдыванія государственными имуществами, Павелъ Дмитріевичъ пожелалъ лично обозрѣть нѣкоторыя волости, и особенно волости ямщиковъ (ямы), привиллегіи которыхъ предполагалось уни-

чтожить съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и управленіе ими, а также обложеніе податями, сравнивать съ государственными крестьянами.

Я сопутствовалъ графу въ его путешествіи. Въ каждой волости по тракту собирались сходки, и будущій министръ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ крестьянами. По пріѣздѣ въ Москву онъ остановился въ домѣ министерства на Собачьей площадкѣ (выморочный домъ, поступившій въ завѣдываніе государственными имуществами), гдѣ ожидали его съ хлѣбомъ-солью крестьяне и ямщики. Въ продолжительной бѣсѣдѣ съ ними графъ излагалъ имъ свои воззрѣнія и намѣренія ввести между ними самоуправленіе и бесѣдовалъ съ ними о прочихъ дѣлахъ. Крестьяне очень внимательно его выслушали, кланяясь въ поясъ; нѣкоторые изъ *ходатаевъ* даже громогласно одобряли его предположенія. Одинъ ямщикъ со станціи Завидова, старикъ лѣтъ 70-ти, съ низкимъ поклономъ обратился къ Киселеву: «Хорошо, ваше превосходительство, очень хорошо! Дай Господи Великому Царю здоровья! Награди Господь и васъ, батюшка! Но у меня есть племянникъ Ёмка; вы его не знаете?»....

Не понимая, къ чему ямщикъ ведетъ рѣчь, Киселевъ нахмурился и грозно сказалъ: «Что? Что такое?»...

— «Племянникъ мой Ёмка, малый здравый и не дуракъ, подымалъ царь-пушку, подымалъ, да не поднялъ!»

Предоставляю судить, на сколько отзывъ этотъ заставилъ Павла Дмитриевича задуматься! Когда были отпущены крестьяне, старика-ямщика позвали въ кабинетъ къ графу, они бесѣдовали вдвоемъ болѣе часа, а въ послѣдствіи, проѣзжая селеніе Завидово, каждый разъ графъ заѣзжалъ къ старику въ домъ.

Въ 1837 году я былъ командированъ въ Виленскую губернію для ревизіи и обозрѣнія государственныхъ имуществъ и конфискованныхъ послѣ мятежа имѣній. Въ то время генералъ-губернаторомъ былъ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ, магнатъ въ полномъ смыслѣ слова, человекъ въ высшей степени образованный и напоминавшій своимъ обхожденіемъ маркизовъ XVII вѣка. Это была первая моя командировка довольно серьезная: мнѣ приходилось учиться. Не зная ни людей, ни края, будучи неучъ въ сельскомъ хозяйствѣ, при разнородности имѣній Западнаго края съ ихъ правами и обязанностями, я весьма затруднялся этимъ порученіемъ. Къ тому же смутное тогдашнее время послѣ мятежа и еще продолжавшееся волненіе между поселянами въ губерніи требовали большой осторожности и такта.

Собственно само-то населеніе не было виновато въ этомъ волненіи, а его возбуждали только отдѣльные лица изъ ксендзовъ и эмисаровъ, которые старались и самую ревизію истолковать превратно,

лишь бы вселить недовѣріе къ правительству, и я долженъ сказать, что совѣты и наставленія князя Николая Андреевича во многомъ мнѣ способствовали въ исполненіи порученнаго мнѣ дѣла. Руководство его послужило мнѣ въ послѣдствіи основаніемъ моей дальнѣйшей служебной дѣятельности. Князь пожелалъ, чтобы я остановился у него во дворцѣ. Жилъ онъ весьма открыто; ежедневно танцовали, безпрестанно устраивались различныя празднества, катанья и т. п. Не смотря на то, что время мятежа было еще такъ близко, Виленскія барыни веселились, кружились, наряжались и всячески старались превзойти одна другую въ любезностяхъ съ княземъ.

На одномъ балу, въ первыхъ числахъ Ноября, послѣ шумныхъ танцевъ, когда мы сидѣли за ужиномъ, кто-то пришелъ доложить князю, что на улицѣ идетъ снѣгъ. Хотя въ Вильнѣ въ такую пору зима никогда не устанавливается, и къ утру снѣгъ неминуемо долженъ былъ растаять, графиня Колковская заахала и изъявила желаніе на другой же день покататься въ санихъ. Другія барыни подхватили это желаніе, и какъ ни смѣялись мы надъ ними, графиня продолжала настаивать на своемъ. И что же? Князь обратился къ гостямъ съ серіознымъ приглашеніемъ на другой день, въ 12 часовъ, ѣхать *въ сани* въ Закреть (мѣстечко въ 4-хъ верстахъ отъ Вильны) и тутъ же, за ужиномъ просидѣвъ кавалеровъ приглашать въ ихъ сани дамъ.

Всю ночь сваживали со всѣхъ дворовъ и полей снѣгъ на дорогу; на другой день на санихъ, какъ бы *по первопуткѣ*, мы поѣхали въ Закреть, гдѣ въ часъ дня былъ сервированъ завтракъ; послѣ завтрака много танцовали и очень поздно возвратились въ Вильну, *но уже на колесахъ*, потому что о снѣгѣ и помину не было.

По возложенному на меня порученію, я непрерывно находилъ въ разъѣздахъ по губерніи; это не мѣшало мнѣ являться въ городъ на всѣ праздники, даваемые княземъ Долгоруковымъ. Протанцовавъ нерѣдко почти до утра, не отдохнувъ, садись, бывало, въ бричку и летишь въ какой-нибудь фольварокъ разсчитывать пана-арендатора или Жиды въ получаемомъ доходѣ съ аренднаго имѣнія или корчмы. Тутъ я познакомился съ сословіемъ, котораго у насъ на Руси нѣтъ, именно арендаторовъ-экономовъ, людей семейныхъ, большею частію съ весьма небольшими средствами, ограниченнаго образованія, но хорошихъ, дѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, извлекающихъ изъ аренды средства къ существованію. Но, не смотря на ограниченность средствъ, дочери ихъ были воспитаны съ нѣкоторымъ лоскомъ и отличались свойственнымъ всѣмъ Полькамъ кокетствомъ, такъ что я, находясь у нихъ, не скучалъ и проводилъ время довольно пріятно, тѣмъ болѣе, что многія изъ таковыхъ паненокъ выказывали въ му-

зыкальномъ отношеніи выдающіеся таланты. Правда, слѣдуетъ къ этому добавить, что по пріѣздѣ въ имѣніе чиновника отъ правительства, съ придворнымъ званіемъ; да еще ревизора, достаточно было, чтобы всѣ члены семейства, одинъ передъ другимъ изыскивали всевозможныя средства угодить ему.

Я находился въ конфискованномъ имѣніи графа Сапѣги, когда получилъ извѣщеніе, что мой братъ Алексѣй Ѳедоровичъ, сопутствовавшій государю Николаю Павловичу въ его путешествіяхъ, будетъ въ Ковну *) и очень бы желалъ со мною видѣться. Я поспѣшилъ отправиться туда и, чтобы сократить путь, былъ принужденъ ѣхать проселкомъ по имѣніямъ разныхъ владѣльцевъ; но къ сожалѣнію моему, тѣже паны и арендаторы, которые за недѣлю, за двѣ до того, когда я находился у нихъ въ имѣніи какъ ревизоръ, были внимательны ко мнѣ, теперь, когда каждый часъ мнѣ былъ дорогъ, не только не содѣйствовали моей поѣздкѣ, напротивъ задерживали отказомъ въ лошадахъ, такъ что я явился въ Ковну уже на другой день пріѣзда туда Государя.

Городъ представлялъ необыкновенный видъ: всѣ улицы были полны народомъ; масса войска (такъ какъ на другой день назначены были маневры) и пріѣздъ Царя привлекли въ городъ народъ не только изъ окрестныхъ селеній, но даже изъ другихъ уѣздовъ, и несмолкаемое «ура» гудѣло цѣлый день. Ковна, городъ, которой поражалъ грязью и массой Жидовъ, съ пріѣздомъ Царя, какъ бы переродился, и въ этотъ день онъ былъ неузнаваемъ: чистенькій, выбѣленный, оживленный войскомъ и народомъ въ праздничномъ нарядѣ, а длиннополые его обитатели попрытались или пріодѣлись.

Братъ Алексѣй Ѳедоровичъ былъ обрадованъ моимъ появленіемъ, но тутъ же объявилъ, что мнѣ приходится въ этотъ самый день спѣшить въ Вильну, такъ какъ Государь вечеромъ выѣзжаетъ туда и останется въ Вильнѣ не болѣе сутокъ.

Въ то время почтовая дорога изъ Ковны въ Вильну пролежала чрезъ Вилкоміръ, и для проѣзда Государя были устроены четыре временныя станціи по прямому направленію отъ Ковны до Вильны, минуя Вилкоміръ, чрезъ частныя имѣнія пановъ. Такимъ образомъ путь сокращался на половину, такъ что, еслибы я поѣхалъ большимъ почтовымъ трактомъ, то рисковалъ бы не застать брата въ Вильнѣ; по временному же тракту мнѣ лошадей бы не дали; поэтому единственное средство оставалось отправить меня съ передовымъ фельдшеремъ. Братъ Алексѣй Ѳедоровичъ такъ и распорядился.

*) Ковна была тогда уѣзднымъ городомъ Виленской губерніи.

Государь былъ тогда очень озабоченъ и даже суровъ вслѣдствіе неурядицы послѣ мятежа въ краѣ, и болѣе чѣмъ сомнительнаго поведения дворянъ, которые давали у себя притонъ всевозможнымъ эмисарамъ. Представленія онъ принималъ весьма сухо; бала отъ города Вильны не принять и депутатамъ отъ дворянства графу Тышкевичу и старику графу Косаковскому, бывшему генераль-адъютанту Наполеона 1-го, представлявшемуся въ мундирѣ Мальтійскаго кавалера, высказалъ въ весьма строгихъ словахъ свое неудовольствіе.

Едва я въ Ковнѣ у брата успѣлъ проглотить придворный обѣдъ, какъ меня посадили въ бричку, и мы съ фельдъ-егеремъ Виммеромъ покатили въ Вильну за 6 часовъ до предполагаемаго выѣзда Государя.

Кому не приводилось бывать на станціяхъ во время проѣзда Государя Императора, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о суетѣ, бѣготнѣ и шумѣ, которые обхватываютъ всю мѣстность, прилегающую къ станціи. Вдоль дороги, на разстояніи полверсты отъ станціи, выставлено болѣе 200 лошадей, выбранныхъ изъ лучшихъ и рѣзвыхъ и собранныхъ со всего уѣзда, такъ какъ почтовая станція такого большаго числа лошадей выставить не могла; лошади разставлены близъ столбовъ, тройками, четвертками, въ хомутахъ, готовые къ запряжкѣ; каждый столбъ имѣетъ прибитый къ нему № поджидаемаго экипажа, такъ что подѣзжающій прямо останавливается у столба съ № соответствующимъ номеру его экипажа; такимъ образомъ при перекладкѣ лошадей не бываетъ безпорядка и суеты. До пріѣзда экипажей, полиція, казаки, хозяева лошадей, все это кричитъ, шумитъ, суетится; начальство, исправники, станціонные смотрители, въ какой-то лихорадкѣ отдають приказанія и тутъ же ихъ отминаятъ. Масса народу занята чисткою лошадей, подметаніемъ дороги; почтари въ мундирахъ бѣгаютъ и практикуются на своихъ трубахъ. Гвалтъ и шумъ невозможные; всѣ кричатъ и всѣ распоряжаются! При этомъ надо видѣть, какую важность и авторитетъ имѣетъ пріѣхавшій на станцію передовой фельдъ-егерь: онъ наводитъ положительно на всѣхъ паническій страхъ. На каждой станціи передовой фельдъ-егерь обязанъ осмотрѣть лошадей № 1-й, приготовленныхъ подъ собственный экипажъ Его Величества и непременно испробовать ихъ въ запряжкѣ.

На одной изъ такихъ станцій, догнавъ царскую кухню и метрд'отеля, фельдъ-егерь Виммеръ, сильно закусившій и попробовавшій не въ мѣру бѣлаго ликёра кюрасо, которымъ угостилъ его метрд'отель, пригласилъ меня проѣхаться съ нимъ на царскихъ лошадяхъ. Только что мы сѣли въ экипажъ, какъ почтарь, съ первымъ номеромъ на картузѣ, съ трубою за плечами, полѣзъ на козлы нашего экипажа. Я сказалъ фельдъ-егерю, что почтарю, кажется, слѣдуетъ

ѣхать верхомъ на одной изъ дышловыхъ лошадей. Фельдъ-егерь, отъ усталости что ли, или отъ кюрасо, былъ совсѣмъ сонный, однако, обругавъ почтаря безмозглымъ олухомъ, приказалъ ему садиться верхомъ, и мы покатили. Проскакавъ версты двѣ, мы вернулись на станцію, чтобы продолжать путь и продѣлать тоже самое на слѣдующей станціи.

Въ ожиданіи царскаго выѣзда изъ Ковны, вечеромъ, по всему тракту, при смоляныхъ бочкахъ, были разставлены казаки, съ приказаніемъ зажигать ихъ при приближеніи экипажа Его Величества, чтобы освѣтить путь. вмѣсто вечера, Царь выѣхалъ на другой день въ 10-ть часовъ утра; казаки, какъ усердные исполнители приказаній начальства, не смотря на дневной свѣтъ, зажигали бочки. Дымъ и смрадъ покрыли всю мѣстность проѣзда, вплоть до Вильны; отмѣнить же приказаніе, данное казакамъ, было уже невозможно. Понятно, что путешествіе при такой обстановкѣ не могло разсѣять дурнаго настроенія Государя, и въ Вильну онъ пріѣхалъ еще болѣе пасмурный. Братъ Алексѣй Ѳедоровичъ ѣхалъ въ коляскѣ № 3-й, передовымъ, за $\frac{1}{2}$ часа до царскаго поѣзда. Озабоченный, усталый и притомъ еще голодный, вышелъ онъ изъ коляски на предпоследней станціи. Это было имѣніе графа Струтинскаго. Здѣсь былъ сервированъ столъ, съ разными яствами и винами, на случай, если Государю благоугодно будетъ поужинать. Самъ графъ, разодѣтый, надушенный разсыпался въ любезностяхъ предъ такимъ близкимъ Царю лицомъ, какъ братъ и пригласилъ его закусить. Только что Алексѣй Ѳедоровичъ принялся за рябчика, какъ увидели въ окошко приближающуюся коляску Государя. Братъ поспѣшно выскочилъ изъ комнаты, захлопнулъ за собою дверь и поскакалъ далѣе. Вслѣдъ за его отъѣздомъ, коляска Государя подкатила къ крыльцу. Струтинскій бросился было встрѣчать Царя, но... увы, дверь такъ захлопнулась, что отворить ее было невозможно, и какъ бѣдный Струтинскій ни старался выскочить изъ этого импровизированнаго заключенія, ему такъ-таки и не удалось. Переложили коней Царю, онъ поскакалъ и исчезъ изъ виду! Можно себя представить отчаяніе пана Струтинскаго и всю брань, которую онъ посылалъ вслѣдъ моему брату. По отъѣздѣ Государя изъ Вильны въ обществѣ заговорили объ этомъ эпизодѣ и притомъ обвиняли и осуждали брата въ злорадной будто бы насмѣшкѣ надъ Струтинскимъ. Для тѣхъ, кто знавалъ Алексѣя Ѳедоровича, будетъ понятно, что подобнаго быть не могло, и что все было дѣло чистой случайности.

Въ Вильнѣ князь Долгоруковъ, въ полной парадной формѣ, со всею свитой, ожидалъ великаго гостя на подѣздѣ дворца. Телеграфовъ тогда не было, да и воздушнаго нельзя было устроить по импровизированному тракту; казаки замѣняли его: каждыя пять минутъ ка-

закъ прїѣзжалъ доложить князю, что Его Величество на такомъ-то разстояніи. Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, казакъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что Государь вѣхалъ въ городъ. Князь Долгоруковъ, этотъ тучный магнатъ и баринъ, предъ которымъ все преклонялось въ краѣ, въ присутствіи всѣхъ, на дворѣ, преклонивъ колѣна, сталъ молиться! Весьма понятно, всѣ мы, находившіеся при немъ, послѣдовали его примѣру, и горячая была наша молитва ко Всевышнему благословить Царя счастливымъ и благополучнымъ пребываніемъ въ городѣ, гдѣ умы еще далеко не были успокоены послѣ недавняго мятежа. Государь подѣхалъ къ крыльцу дворца съ графомъ Бенкендорфомъ, весьма милостиво поздоровался съ княземъ, ласково обнялъ его, и тутъ же на подѣздѣ, увидавъ моего брата, очень сурово сказалъ: «Скажи твоему брату, чтобы онъ не вмѣшивался въ дѣла, которыя до него не касаются!»

Братъ, не зная причины гнѣва Государева, приложилъ руку къ козырьку и молчалъ. Лишь Государь поднялся на лѣстницу, графъ Бенкендорфъ набросился на брата, и по хрипотѣ его (онъ всегда хрипѣлъ, когда былъ чѣмъ-либо недоволенъ) нельзя было понять, въ чемъ именно дѣло. Что же оказалось? На той станціи, гдѣ мы съ фельдъегеремъ проѣзжали царскихъ лошадей, тотъ же почтарь хотѣлъ сѣсть на козлы царской коляски, и на вопросъ Государя, почему онъ не садится верхомъ, почтарь отвѣчалъ: «Братъ флигель-адъютанта Вашего Величества приказалъ мнѣ садиться на козлы.» Вѣроятно онъ или не понялъ замѣчанія или приказанія фельдъегеря или въ присутствіи Государя растерялся до того, что не зналъ, что сказать и свалилъ всю вину на «брата флигель-адъютанта». Исправникъ, находившійся на станціи, пояснилъ, что братъ этотъ былъ никто иной какъ я. Что Государь говорилъ послѣ этого происшествія графу Бенкендорфу, не знаю; только графъ, по прїѣздѣ въ Вильну, распекъ и брата и меня; да и фельдъегерю Виммеру-досталось.

Въ томъ же году, зимою, князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ отправился въ Петербургъ, и въ Вильнѣ остался исправлять его должность гражданскій губернаторъ Бантышъ-Каменскій, человѣкъ очень умный, добрый и дѣльный, замѣчательной честности и, если что можно было ему поставить въ упрекъ, это его безхарактерность и чрезмѣрную скромность, которыя ему во многомъ вредили. Польскія женщины, хотя и любезничали съ Русскими офицерами, тѣмъ не менѣе находили нужнымъ время отъ времени проявлять свое нерасположеніе къ Русскому правительству. Настало 6-е Декабря. Въ этотъ день гражданскій губернаторъ давалъ во дворцѣ князя Долгорукова обычный балъ. Виленскія барыни не пожалѣли ни денегъ, ни хлопотъ,

чтобы блеснуть туалетомъ. Русскіе офицеры, въ свою очередь, ничего не жалѣли, чтобы очаровать Польскихъ дамъ любезностью и содѣйствовали такимъ образомъ оживленію бала. Танцовали очень много. Все шло прекрасно, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ Русскихъ, вышелъ скандалъ. Было уже поздно, танцовали мазурку; паръ восемьдесятъ сидѣли въ огромной залѣ. По принятому въ западныхъ губерніяхъ обычаю, въ торжественные дни до ужина слуги въ парадныхъ ливреяхъ стали разносить шампанское и закуски. Каменскій вышелъ на средину залы, махнулъ платкомъ музыкантамъ, чтобы они замолчали и провозгласилъ тостъ «за здоровье Государя;» музыка загрѣмѣла тупъ и гимнъ. Всѣ кавалеры встали, но дамы, кромѣ нѣкоторыхъ Русскихъ, не поднялись съ мѣстъ. Каменскій хотѣлъ было показать видъ, что онъ этого не замѣтилъ (что впрочемъ было бы довольно трудно, дамы сидѣли на виду у всѣхъ); но бывший на балѣ корпусный командиръ Гейсмаръ подошелъ къ Каменскому и сказалъ ему, что онъ, какъ генераль-адъютантъ Государя, не можетъ допустить подобнаго оскорбленія, почему и требуетъ еще разъ провозгласить тостъ за здоровье Его Величества. Каменскій сильно сконфузился и не зналъ, что предпринять; но, видя настойчивость Гейсмара, вынужденъ былъ обратиться къ предводителю дворянства графу Тышкевичу, прося его предварить дамъ, что, такъ какъ онѣ вѣроятно не поняли, за кого онъ провозгласилъ тостъ, то онъ будетъ снова пить за здоровье Государя, и надѣется, что онѣ будутъ внимательнѣе на этотъ разъ. Предупредилъ ли, или нѣтъ Тышкевичъ, не знаю; замѣтно только было нѣкоторое шептаніе между многими. Во второй разъ всѣхъ обнесли шампанскимъ, и Каменскій опять на срединѣ залы махнулъ платкомъ; музыка утихла, и онъ очень громко и явственно провозгласилъ: «За здоровье Государя Императора и всей царской фамилии». Всѣ кавалеры встали, а дамы всѣ сидятъ! Каменскій сначала поблѣднѣлъ и какъ будто растерялся.. Всѣ молчали и казались сконфуженными; черезъ мгновеніе Каменскій повернулся на всѣ стороны, всѣхъ оглянулъ, замахалъ платкомъ, которымъ махалъ музыкантамъ, топнулъ ногою и громко закричалъ: «Да встанете ли вы?... Я васъ всѣхъ подниму!» Всѣ дамы встали. Послѣ этого продолжали мазурку.

(До слѣдующей книжки).

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

2.

	Стр.		Стр.
1. Записки М. И. Антоновскаго, ученаго человека старыхъ временъ. (Московский университетъ при Екатеринѣ. — Графъ И. Г. Чернышовъ. — Первые судьбы Императорской Публичной Библіотеки).....	146	радь Ридигеръ. — Новые порядки). Князя Н. Н. Имеретинскаго.....	227
2. Автобіографія А. О. Дюгамеля. I—IV, (Аральская экспедиція. — Турецкая война при Николаѣ. — Пѣльнъ. — Въ Адрианополѣ. — Поѣздка чрезъ Малую Азію къ Паскевичу). Съ портретомъ.....	179	5. Письма В. А. Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу. 1848-й годъ. (Революціонныя смуты въ Германіи. — Король Фридрихъ-Вильгельмъ III-й). Съ послѣсловіемъ издателя.....	242
3. Изъ воспоминаній Леонида Федоровича Львова. III. (Поѣздка въ Киргизскую Букеевскую орду. — М. Л. Кожевниковъ. — У хана Джангира). 218		6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана. Главы VII—IX. 1857-й годъ. (Князь Барятинскій объѣзжаетъ Кавказъ. — Д. И. Романовскій. — Кочевые Ногайцы).....	275
4. Изъ Записокъ стараго Преображенца. 1855-й годъ. (Стрѣлковыя роты. — Стоянка въ Вильнѣ. — Гене-		7. Изъ письма М. П. Погодина къ издателю Русскаго Архива по поводу запрещенія Записки Карамзина о древней и новой Россіи.	299
		8. Шуточная стихотворная хроника Московскаго университета (1861—1863).	301

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ А. О. Дюгамеля.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА *).

III.

Въ 1844 году, на одномъ изъ докладовъ графа Киселева о Внутренней Киргизской Букеевской ордѣ Государь Николай Павловичъ положилъ такую резолюцію: «Въ царствѣ другаго царства быть не можетъ». Внутренняя Киргизская орда, кочевавшая въ степяхъ Оренбургской и Астраханской губ., была управляема ханомъ Джанги-ромъ, какъ бы независимымъ владѣтелемъ. Киргизы, обложенные денежными сборами и «заякетомъ» въ пользу хана и султановъ, были внѣ всякаго обязательства къ государству, и если управленіе государственныхъ имуществъ временемъ и проявляло нѣкоторую власть по отношенію къ ордѣ, то это было только разбирательство о безпрерывныхъ спорахъ и тяжбахъ между Уральскими казаками, Киргизами и Калмыками за земельныя угодья.

Вслѣдствіе резолюціи Государя, лѣтомъ 1844 года я былъ командированъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Астраханскую и Оренбургскую губ., и долженъ былъ подробно обозрѣть и описать орду, какъ по отношенію къ существующимъ платежамъ и дани Киргизовъ своему хану и султанамъ, такъ и внутренней ихъ расправы, а также опредѣлить степень власти хана и степень подчиненія Киргизовъ меньшимъ властямъ орды. Мнѣ вмѣнено въ обязанность имѣть совѣщанія съ генераль-губернаторами Оренбургскимъ и Астраханскимъ и собрать у нихъ необходимыя свѣдѣнія.

Чтобы не возбудить подозрѣнія Киргизовъ и самаго хана, командировка моя отнюдь не должна была имѣть видъ *оффиціальной* по-

*) Первые двѣ главы см. въ 1-мъ выпускѣ Р. Архива сего года.

рученія. Я долженъ былъ ѣхать въ видѣ туриста, путешествующаго по собственному желанію. Мнѣ было позволено даже, если я хочу, ѣхать съ женою. Но для полученія желаемыхъ министерствомъ свѣдѣній и тѣхъ данныхъ, которыя по инструкціи надлежало доставить, требовалось тщательное знакомство съ внутреннею администраціею орды, чего я не могъ сдѣлать какъ частное лицо. При скрытности вообще Киргизовъ и въ особенности султановъ, представлялась необходимость сдѣлать такія распоряженія, которыя, закрывая служебную цѣль моей поѣздки, дали бы мнѣ возможность въ случаѣ нужды и требовать положительныхъ данныхъ.

По прибытіи въ Оренбургъ, къ крайнему моему сожалѣнію въ генералъ-губернаторѣ Обручевѣ я не встрѣтилъ содѣйствія въ порученномъ мнѣ дѣлѣ; напротивъ, онъ оказался тормазомъ. Обручевъ былъ совершенно другаго мнѣнія съ министерствомъ касательно устройства Киргизовъ, и мою командировку считалъ не только бесполезною, но даже вредною, могущею возбудить негодованіе кочевниковъ.

Изъ Оренбурга, прежде чѣмъ отправиться въ ставку Рынь-пески, мнѣ необходимо было заѣхать въ Уральскъ, къ атаману Уральскихъ казаковъ, которому было предписано сопровождать меня и содѣйствовать мнѣ въ возложенномъ на меня порученіи.

Городъ Уральскъ, со своими постройками, балконами, виноградными верандами, на первый взглядъ имѣлъ много сходнаго съ иностранными южными городами. Чистенькій городокъ, прекрасно обстроенный; улицы широкія, шосированныя, весь въ садахъ, которые при окружающей степи еще болѣе ласкаютъ взоры. Населеніе состояло изъ казаковъ всѣхъ ранговъ и чиновъ; при этомъ нельзя не замѣтить, что заслуженные казаки, и въ особенности ихъ вдовы, пользуются особеннымъ почтеніемъ и уваженіемъ. Но чтò удивляетъ, это то, что, привыкши видѣть казаковъ молодцами, въ военной формѣ, въ Уральскѣ вы ихъ встрѣчаете на улицѣ въ длинныхъ халатахъ, по обычаю раскольниковъ. Атаманомъ былъ тогда полковникъ Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ, которому покровительствовалъ предшественникъ Обручева графъ В. А. Перовскій. Поэтому онъ не пользовался расположеніемъ Обручева, который всѣхъ сослуживцевъ графа Перовскаго преслѣдовалъ. Кожевниковъ былъ человекъ большаго ума и образованія, съ характеромъ деспотическимъ и съ непреклонною волею; онъ съумѣлъ вселить въ казакахъ не только уваженіе, но сильную любовь къ себѣ. Казаки видѣли въ немъ не своего только атамана, но и Уральского казака, какъ бы принадлежащаго къ ихъ сословію.

Цѣлыхъ двѣ недѣли я пробылъ въ Уральскѣ. Все для меня было ново: быть казаковъ, столь интересный со стороны ихъ общиннаго

владѣнія угодьями и промыслами, ихъ радушіе, хлѣбосоольство. У казаковъ все общее; такъ напримѣръ, въ известное время сѣнокоса каждый косить сѣно сколько хочетъ и гдѣ хочетъ. Въ рыбныхъ промыслахъ, составляющихъ главный ихъ заработокъ, тоже самое; но что добыто трудомъ, того никто не въ правѣ требовать. Насаженный, на примѣръ, кѣмъ либо садъ есть неотъемлемая собственность казака и переходить по наслѣдству къ сыну.

Утромъ я работалъ съ атаманомъ, а остальное время мы употребляли съ женой на гулянья, разѣзды по садамъ, обѣды, рыбныя ловли. Всѣ почетныя казачки непремѣнно желали угощать мою жену, и всѣ эти угощенія происходили въ садахъ. На одномъ изъ обѣдовъ у атамана, которому онъ придалъ какъ бы officialный характеръ и на которомъ присутствовали всѣ почетныя казаки и казачки, рѣчь зашла о рыбной ловлѣ. Атаманъ обратился къ моей женѣ съ приглашеніемъ ѣхать послѣ обѣда ловить осетровъ, и на мой вопросъ, чѣмъ мы будемъ ловить, онъ отвѣчалъ: «да просто руками». Этотъ отвѣтъ я принялъ за неудачную остроту съ его стороны и болѣе не продолжалъ разговора о рыбной ловлѣ. Послѣ обѣда подали кофей и сигары, завязался шумный разговоръ. Пошли воспоминанія о Перовскомъ, котораго казаки очень уважали и любили *). Шумно толковали и оправдывали его въ неудавшемся Хивинскомъ походѣ, при чемъ доставалось Обручеву—какъ пришли доложить, что катера готовы. Я былъ доволенъ, что разговоръ о г.-губернаторѣ былъ прерванъ, потому что онъ принималъ уже размѣры не весьма пріятные для него. Всѣ встали, засуетились, и мы всѣмъ обществомъ разошлись въ катера и отправились по Уралу на мѣсто ловли.

По принятому обычаю или закону, въ продолженіе всего лѣта ловля осетровъ воспрещена; она разрѣшается только въ Октябрѣ и Поябрѣ, во время такъ называемой «*барянки*»; одному атаману предоставлено право ловить осетровъ въ лѣтнее время, въ отведенномъ для этого мѣстѣ, называемомъ «атаманскимъ ловомъ». Подѣзжая къ этому мѣсту, мы цѣлыхъ полчаса должны были соблюдать всевозможную тишину. Катера наши подвигались очень медленно и строились въ ширину рѣки. Съ берега водолазы, стоя, поплыль очень осторожно, не взбалтывая воды, и только по поясъ погружая себя въ воду. Ми-

*) Графъ Перовскій своимъ рыцарскимъ характеромъ оставилъ по себѣ между казаками самую лучшую память; всѣ рассказывали про веселья на „занимкѣ“ (дачѣ) его, куда съѣзжались Оренбургскія барыни танцовать по цѣлымъ недѣлямъ, при чемъ выпивались изъ Парижа для нихъ, не только перчатки и обувь, но цѣлые туалеты.

путь пять длилась возможная тишина, какъ вдругъ водолазъ, опустивъ ногами присутствіе осетра, ударилъ въ него привязаннымъ къ кисти правой руки желѣзнымъ крюкомъ—«абрашкою». Пока рыба не вытаскивалась на поверхность воды, отъ водолаза не требовалось большого усилія; но лишь только показывался хвостъ, какъ начиналась борьба между водолазомъ и осетромъ: вода сильно бушевала, и водолазъ и рыба постоянно ныряли. Тогда подоспѣла лодка съ двумя казаками, которые топорами довершили ловлю, и осетръ доставлялся атаману въ катеръ. Въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ этой интересной ловли намъ удалось изловить пять штукъ осетровъ, изъ которыхъ одинъ вѣсилъ $4\frac{3}{4}$ пуда. Тутъ я удостоверился, что осетровъ дѣйствительно «ловили руками».

Возвращеніе съ ловли было крайне оригинальное. Погода стояла прелестная; Уралъ былъ какъ зеркало; наша флотилія, состоявшая изъ 7 катеровъ съ музыкою и пѣсенниками во главѣ, плыла весьма стройно. Одинъ берегъ рѣки «карча», т. о. луговой, другой же чрезвычайно утесистъ. На всемъ пути нашего обратнаго плаванія мальчишки-казаки бросались съ утеса въ рѣку съ криками: «Ура, атаманъ!» и вновь карабкались на утесъ, и вновь бросались въ воду одинъ за другимъ, да такъ часто, что сосчитать было невозможно.

По прїѣздѣ съ ловли за ужиномъ у атамана ожидало насъ нѣсколько Туркменъ. Это танцоры; они же музыканты на разныхъ инструментахъ, бубенчикахъ и колокольчикахъ. Хотя между ними и была одна женщина, но по паружности едва ли возможно ее было признать за таковую.

Распрощались мы съ Уральскомъ и отправились степью въ ставку хана Киргизскаго, Рынь-Пески, цѣлымъ караваномъ: мой дормезъ, экипажъ атамана, сопутствующіе казаки и два фургона съ кухнею, льдомъ и Зельтерскою водою. По дорогѣ, для смѣны, брали изъ ближайшихъ табуновъ дикихъ лошадей, никогда въ запряжкѣ не ходившихъ, и чтобы запрягать ихъ, накладывали имъ на ноги путы, и по снятіи путъ, весь шестерикъ съ каретою мчался версты двѣ-три, до тѣхъ поръ пока лошади не останавливались сами, перервавъ всю веревочную сбрую; и уже тогда казаки запрягали ихъ должнымъ порядкомъ. Жара стояла невыносимая, въ степи все солончаки, воды нѣтъ; одно спасеніе Зельтерская вода и ледъ, которымъ мы запаслись.

Не доѣзжая версты пять до ставки, мы были привѣтствованы отъ имени хана цѣлымъ эскадрономъ Киргизовъ, которые, освѣдомясь о нашемъ здоровьи, передали приглашеніе хана остановиться въ приготовленныхъ для насъ кибиткахъ. Былъ уже поздній вечеръ, когда мы добрались до ставки; но это не мѣшало Киргизамъ толпою окружать

приготовленную для «барина» кибитку. Кибитка была большая, шаговъ 10 въ діаметрѣ, отдѣланная внутри зеленымъ трипомъ, вся въ коврахъ, освѣщенная четырьмя большими лампами. Мебель старинная разныхъ фасоновъ, украшенная ковриками и подушками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей кибитки была кибитка атамана, а рядомъ съ послѣдней—кибитки для казаковъ и прислуги.

Лишь мы пріѣхали, намъ подали чай съ серебрянымъ (аплике) самоваромъ и очень вкусно приготовленный ужинъ; на мой вопросъ, кто же готовилъ, мнѣ отвѣчали: «Хранцузъ пришелъ, Москва, живетъ у хана». Подали Шампанское, которое казалось только что окипяченнымъ, до того оно было тепло; хорошо, что былъ съ нами ледъ.

Меня удивляли всѣ эти встрѣчи и приготовленія. Явно было, что хана предупредили о моемъ пріѣздѣ, и онъ ожидалъ высокаго чиновника (!) Но кто могъ его предупредить и въ какомъ смыслѣ? А мы съ атаманомъ всю дорогу разучивали наши роли, и Кожевниковъ, знакомый уже хану, долженъ былъ представить меня ему, какъ близкаго своего пріятеля, путешествующаго по Россіи, и котораго онъ знакомить со степью.

Утромъ на другой день, послѣ спроса чрезъ атамана, когда угодно будетъ его степенству меня принять, ханъ меня принялъ въ своей кибиткѣ, весьма церемонно и очень сухо. Онъ разговаривалъ со мною чрезъ переводчика, спрашивалъ о Царѣ, Царицѣ, угощалъ чаемъ, Шампанскимъ (теплымъ), но разговоръ не клеился. Ханъ былъ какъ бы сконфуженъ.

Кибитка его, очень большая, находилась во ста шагахъ отъ моей, съ двумя гайдуками у входа, такъ же убранная коврами и развѣшаннымъ оружіемъ.

Спустя минутъ десять послѣ моего ухода отъ хана, онъ отдалъ мнѣ визитъ, съ соблюденіемъ нѣкоторой церемоніи, освѣдомясь предварительно, могу ли я его принять. Онъ познакомился съ моею женою и вызвался самъ провести ее къ ханьшѣ, которая помѣщалась въ особой кибиткѣ.

Чрезъ посланнаго отъ хана атаманъ и я получили приглашеніе пожаловать къ обѣду, гдѣ были собраны всѣ султаны. Обѣдъ былъ изготовленъ по нашему; послѣ водки (арзана) изъ кобыльяго молока, Шампанское было единственнымъ напиткомъ. На этомъ обѣдѣ впервые я испробовалъ мясо изжареннаго молоденькаго жеребенка. Тѣже церемоніи жена моя должна была соблюсти въ отношеніи ханьши; только за ея обѣдомъ присутствовали три-четыре жевщины и между

ними Англичанка м-мъ Аткинсонъ *), гостившая уже нѣсколько мѣсяцевъ въ степи.

Мы жили въ ставкѣ болѣе мѣсяца, большею частію обѣдали у хана, жена у ханьши, рѣдко у себя въ кибиткѣ; ужинали же постоянно у атамана. По вечерамъ собирались у меня султаны, или мы разъѣзжали по улусамъ орды. Жена же все время проводила у ханьши, которая съ нею очень подружилась.

Киргизы вообще очень любопытны; они сборищами шныряли около нашихъ кибитокъ до поздней ночи, а ночью располагались биваками не въ далекѣ, въ степи, со своими верблюдами, такъ что ихъ непрерывное бормотанье и крики этихъ милыхъ животныхъ доходили до насъ и намъ спать не давали. Да мы, правда, и расходились очень поздно; атаманъ большой охотникъ до ужина, самъ его заказывалъ ювару хана, Французу, въ провизіи недостатка не было, и къ тому трудныя были теплыя ночи.

Разговоры и разспросы позволили мнѣ собрать нужныя свѣдѣнія, въ чемъ мнѣ много содѣйствовалъ полковникъ Кожевниковъ, хорошо знакомый съ краемъ и людьми. Ласковое мое обращеніе съ Киргизами, частыя угощенія, которыя я имъ предлагалъ, подарки сблизили меня съ ними; они ободрились, да и самъ ханъ въ послѣднее время былъ со мною несравненно пріятливѣе и откровеннѣе, и даже, къ моему удивленію, за два дня до моего отъѣзда, заговорилъ со мною по-русски, правда, ломанымъ языкомъ, но весьма понятнымъ, тогда какъ прежде онъ постоянно объяснялся непремѣнно чрезъ переводчика. Когда я выразилъ хану удивленіе по этому поводу, то онъ отвѣчалъ, что, будучи предваренъ генераломъ Обручевымъ о моемъ пріѣздѣ, онъ ожидалъ непріятностей и боялся меня; но, познакомившись, онъ меня полюбилъ и очень бы желалъ, чтобы я не забылъ его, старика. «Если твоя милость увидитъ Великаго Царя и Великую Царицу, скажи, что ханъ Джангиръ готовъ на вѣки имъ служить, какъ и всѣ его Киргизы». Въ знакъ памяти и своего расположенія онъ просилъ принять отъ него кибитку, въ которой я гостилъ, сѣдло и уздечку. Кибитку нѣтъ принять было довольно затруднительно по громоздкости ея, и пришлось отдарить парюю пистолетовъ, купленныхъ у атамана.

Наканунъ нашего отъѣзда былъ устроенъ праздникъ, охота съ балабанами (родъ соколовъ) на выпускаемыхъ цаплей, конскіе и верблюжіе бѣга, борьба Киргизовъ и пр. Чуть ли не со всѣхъ улусовъ народъ собрался принять участіе въ празднествѣ; призы изъ разныхъ

*) Извѣстнаго Аткинсона; ея путешествіе было издано въ Лондонѣ.

мелкихъ вещей, употребляемыхъ Киргизами, огнивъ, трубокъ, кошелевъ, ременныхъ чумбуровъ, раздавались самимъ ханомъ. Подъ конецъ праздника былъ пригнанъ цѣлый табунъ дикихъ лошадей, и мнѣ предложено указать на любую, которую я прикажу осѣдлатъ. На удачу я указалъ на свѣтло-бураго жеребца. Киргизъ тутъ же поскакалъ, долго гонялся за нимъ, набросилъ на него петлю и, кинувъ свою лошадь, вскочилъ на пойманную, которая съ жестокими курбетами, безъ узды, таскала его по всей степи. Кончилось тѣмъ, что онъ привелъ ее къ намъ, осѣдлатъ и проѣхался шагомъ, весьма довольный, мимо насъ. Лошадь да и самъ Киргизъ были въ мылѣ. Праздникъ длился съ 10 часовъ до 7 вечера. Жена моя также присутствовала съ ханшой на этомъ весельѣ, въ четверомѣстной каретѣ, запряженной шестью олухами съ опущенными сторонами. Тутъ же сидѣла г-жа Аткинсонъ, и онѣ смотрѣли на бѣга и на игры сквозь щелочку.

Приведя въ порядокъ собранныя свѣдѣнія, я долженъ былъ ѣхать въ Астрахань. Испытавъ уже всѣ неудобства и затрудненія въ дышловой запряжкѣ Киргизскихъ степныхъ лошадей, я опасался за мою карету; сломаютъ—мнѣ бы пришлось сидѣть въ степи, тѣмъ болѣе что мы должны были разстаться съ атаманомъ и расторопными казаками. Но ханъ весьма любезно предложилъ мнѣ свой тарантасъ-карету, работы Іохима въ Петербургѣ, собственно для степной троечной ѣзды заказанную. Эту карету я долженъ былъ на обратномъ пути оставить въ Саратовѣ, куда доставить мой дормезъ.

Въ Астрахани встрѣтилъ насъ съ большимъ радушіемъ старикъ Олоничъ, бывшій въ то время управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ. У него мы и поселились. Астраханскій г.-губернаторъ Тимирязевъ, раздѣляя совершенно мнѣніе графа Киселева касательно устройства Киргизской орды, вполне одобрилъ всѣ собранныя мною свѣдѣнія, но находилъ затрудненіе отводить Киргизамъ камыши на побережьи Каспійскаго моря, столь необходимые для укрывательства въ зимнее время Киргизскихъ табуновъ отъ бурановъ, и поэтому не соглашался подѣлить камыши съ Калмыками, которые ими пользовались. Возникшее по этому предмету недоразумѣніе заставило меня прокатиться съ землемѣромъ на мѣсто спора, чтобы лично удостовѣриться въ справедливости притязаній Киргизовъ.

Погода была жестокая, дождь лилъ безостановочно, вслѣдствіе чего я схватилъ лихорадку и три дня пролежалъ въ грязной Киргизской кибиткѣ. Землемѣръ за мною ухаживалъ и утѣшалъ меня тѣмъ, что это нездоровье есть не что иное, какъ обыкновенная мѣстная лихорадка, съ которою они очень хорошо знакомы. Хорошее утѣшеніе!

Я опасался, что болѣзнь эта меня задержитъ долгое время въ Астрахани.

Жена моя все это время оставалось у добрыхъ Оленичей. По возвращеніи въ городъ, я, не оправившись еще отъ лихорадки, долженъ былъ принимать участіе въ званныхъ обѣдахъ и гуляньяхъ по садамъ или, лучше сказать, по огромнымъ виноградникамъ,—единственное удовольствіе Астраханскихъ жителей. Надо полагать, что съ гѣхъ поръ Астрахань много измѣнилась къ лучшему. Въ то время городъ не отличался ни зданіями, ни чистотою: улицы были немощенныя, постройки деревянныя, покрытыя отъ зноя и сырости сѣро-зеленымъ мохомъ. Вообще этотъ важный городъ имѣлъ довольно таки унылый видъ.

Мои опасенія сбылись, и мы должны были, сверхъ всякаго чаянія, оставаться въ Астрахани несравненно долѣе предполагаемаго, и какъ семейство Оленичей ни старалось намъ доставлять всевозможныя развлеченія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня выѣзда.

Лошади были уже запряжены, и мы сѣли въ карету, какъ директоръ садоваго заведенія Министерства Государственныхъ Имуществъ убѣдительно сталъ упрашивать насъ заѣхать къ нему завтракать; жена отговаривалась тѣмъ, что она уже въ дорожномъ нарядѣ, но онъ увѣрялъ, что у него, кромѣ насъ, никого нѣ будетъ. Какъ я ни отпѣкивался, пришлось заѣхать.

Каково же было мое удивленіе! Въ первой комнатѣ я увидалъ столъ, накрытый болѣе чѣмъ на 30 приборовъ, съ массою бутылокъ. Директоръ пожелалъ похвастать произведеніями своего сада; онъ разложилъ по тарелкамъ кисти винограда всевозможныхъ цвѣтовъ, вкуса и формы, такъ что каждая тарелка имѣла по кисти винограда особаго сорта; и вино было также произведеніемъ казеннаго сада.

Дорогою намъ привелось еще цѣлые сутки пробывать въ улусѣ Калмыцкаго князя Тюменя, въ 50 верстахъ отъ Астрахани. Князь давалъ большой праздникъ въ честь генераль-губернатора, куда пригласилъ всю Астрахань. Тутъ все было: и парадное богослуженіе по Буддійскому обряду съ трубами и барабанами, и охота, и скачки, все, что только можно было придумать; вечеромъ устроились даже ганцы, и Астраханскія барыни съ удовольствіемъ танцовали на лугу подъ незатѣйливую музыку. Князь Тюмень, тогда еще бодрый старикъ лѣтъ 75-ти, участвовавшій въ кампаніи 1814 года, побывавшій въ Парижѣ съ Калмыками-ополченцами, съ особеннымъ пафосомъ рассказывалъ о своихъ походахъ. Угощая гостей за обѣдомъ и лично разливая Шампанское въ бокалы, онъ неоднократно заявлялъ, что умѣетъ распознать хорошее вино, что онъ прошелъ Шампанію взадъ и

впередъ»; самъ же никакого другаго вина не пилъ, кромѣ какъ изъ кобыльяго молока, находя его несравненно вкуснѣе всѣхъ прочихъ винъ.

Въ концѣ Сентября я вернулся въ Петербургъ, и графъ Киселевъ остался доволенъ исполненнымъ мною порученіемъ. Ханъ Джангиръ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ ставки скоростижно скончался, такъ что ему не привелось видѣть переустройство въ управленіи ордою. Государь повелѣть соизволилъ пожаловать его племянника и наслѣдника въ пажы, съ принятіемъ его въ Пажескій Корпусъ и съ назначеніемъ по выпускѣ изъ корпуса, ежегоднаго содержанія изъ Государственнаго Казначейства по 12 тыс. р. сер. Киргизская же орда поступила въ полное завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ: всѣ сборы въ пользу хана и султановъ прекращены, и Киргизы обложены общими государственными податями, а управленіе поручено, на основаніи общихъ положеній, особому чиновнику отъ министерства съ званіемъ управляющаго Внутреннею Киргизскою Букеевскою ордою

(Продолженіе будетъ).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

3.

	Стр.
1. Баронесса Крюднеръ и ея переписка съ княземъ А. Н. Голицынымъ. (Очеркъ жизни и дѣятельности баронессы). В. Н.....	305
2. Изъ путевыхъ замѣтокъ В. А. Жуковского во время путешествія съ покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ 1838 года. (Въ Даніи. — Чувство красоты. — К. П. Брюловъ. — Перезады по Швеціи. — Ночь въ Гринсгольмѣ).	331
3. Изъ воспоминаній Леонида Федоровича Львова. IV—V. (Петергофскій березнякъ. — Рекрутскій наборъ. — Поездка въ Сибирь. — Генералъ Рупертъ. — Декабристы въ Сибири. — Гибель Дунина. 1839).....	547
4. Два письма графа С. С. Уварова къ графу А. Х. Бенкендорфу про Московскій и Дерптскій университеты. 1832 и 1833.....	366
5. Воспоминаніе о Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. Н. Бицына....	371
6. Стихи лорда Байрона о пожарѣ Москвы 1812 года.....	415
7. Эпизоды изъ Польскаго возстанія 1861 — 1864. Воспоминанія современника-очевидца. (Управленіе графа Ламберта. — Кошачья музыка)..	416
8. Анекдоты про Петра Великаго. . .	425
9. Разказы изъ недавней старины (преимущественно про Николая Павловича)	437
10. Русскія народныя пѣсни во Французскомъ переводѣ А. С. Пушкина.	451
11. Два стиха А. С. Пушкина.	460
12. Стихотвореніе барона А. А. Дельвига.....	461
13. Польская графиня про князи П. А. Вяземскаго.....	461
14. Къ дѣлу о смертномъ поединкѣ Дермонта: письма двухъ секундантовъ (Глѣбова и князя Васильчикова) къ Н. С. Мартынову.....	463
15. Острословіе А. О. Армфельда.....	464
16. Четверостишіе Н. И. Греча.....	464

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА *).

IV.

Какъ извѣстно, государь Николай Павловичъ съ особенною любовью занимался устройствомъ Петергофа и осушалъ болота, которыми Петергофъ въ прежнее время былъ окруженъ. Распространивъ его, съ одной стороны вплоть до Стрѣльны, съ другой до Ораніенбаума, и наконецъ до селенія Бабы-Гонь, все это пространство онъ соединилъ тѣнистыми парками, въ которыхъ настроялъ безподобные павиліоны. Въ каждомъ павиліонѣ имѣлась особенная комната для кабинета Его Величества на случай, еслибы пришла ему охота утромъ, въ жаркіе дни, принимать доклады и заниматься дѣлами на Озеркахъ или въ Бельведерѣ. Всѣхъ павиліоновъ насчитывалось въ Петергофѣ до восемнадцати. Иногда Императрица пріѣзжала сюда кушать чай. Положительно, Петергофъ былъ царская волшебная резиденція.

Между прочими украшеніями Государь, на импровизированномъ озерѣ, выстроилъ крестьянскій домикъ или, лучше сказать, усадьбу, которую и называлъ Никольскимъ. Этотъ домикъ очень занималъ его, какъ наружнымъ видомъ, такъ и внутреннимъ устройствомъ. Столы, скамейки были изъ полированного какъ зеркало дуба; стѣны бревенчатые, но какъ сложены! Посуда, какъ и все, была простая Русская; но все до послѣдней мелочи доказывало, что хозяинъ усадьбы мужичекъ очень богатый. Въ сѣнцахъ висѣла на вѣшалкѣ солдатская шинель Измайловскаго полка, которую Государь надѣвалъ, когда Императрица пріѣзжала въ Никольское кушать чай. Тутъ Государь, какъ хозяинъ, угощалъ свою хозяйку; тутъ и садикъ былъ разведенъ, и

*) См. выше, стр. 218.

двѣ коровки были, на случай, что Государыня пожелаетъ откушать молочка.

Графъ П. Д. Киселевъ также проживалъ въ Петергофѣ въ министерскомъ домѣ, каждые первые три дня недѣли. Моя же обязанность была, какъ секретаря его сіятельства, привозить ему изъ Петербурга бумаги къ царскому докладу.

Въ одинъ изъ таковыхъ моихъ пріѣздовъ съ бумагами, графъ обратился ко мнѣ со словами: «Какъ вчера я попался!... Уже нѣсколько разъ, Государь мнѣ говорилъ съѣздить полюбоваться его Никольскимъ.... Вчера опять онъ меня спрашивалъ, былъ-ли я въ Никольскомъ, и какъ нахожу я его солдатскую усадьбу? Совѣстно было сознаться, что я еще не былъ въ этомъ новомъ павиліонѣ, и я отвѣчалъ: «Былъ, ваше величество, прекрасно, очень удачно!»

— Неправда-ли? сказалъ Государь, очень хорошо?

— «Точно такъ, ваше величество!»

— А замѣтилъ-ли ты, какой эффектъ придаютъ два дуба около воротъ?

— «Нельзя не замѣтить, прелестно!»

— Такъ ты солгалъ!... Дубовъ никакихъ тамъ нѣтъ, да и ты въ Никольскомъ не былъ. Чтобы тебя наказать, сейчасъ отсюда поѣзжай туда, все осмотри и вечеромъ мнѣ расскажешь, что видѣлъ и понравилось-ли тебѣ.

Передавъ этотъ неловкій случай, графъ прибавилъ:

— «Глупо, очень глупо поступить; и самъ не знаю, какъ это у меня вырвалось сказать: «Былъ, ваше величество!»

Изъ Александріи ежедневно, не смотря ни на какую погоду, Государь пѣшкомъ въ 9 часовъ утра отправлялся въ большой Петергофскій дворецъ; заходилъ непременно во дворецъ Монъ-Плезира и, войдя въ спальную царя Петра, съ благоговѣніемъ и крестнымъ знаменіемъ, прикладывался къ царскому колпаку, находившемуся на царской постели. Къ десяти часамъ, онъ былъ уже въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, гдѣ принималъ доклады и занимался съ министрами до 2-хъ, а иногда и до 3-хъ часовъ. Послѣ занятій, его можно было встрѣчать гдѣ-нибудь въ паркѣ, пѣшкомъ, въ бѣлой высокой его фуражкѣ и сюртукѣ безъ эполетъ, сзади дрожки въ одиночку. Онъ осматривалъ свои новыя затѣи или указывалъ управлявшему Петергофомъ генералу Лихардову направленіе какой-нибудь новой дорожки. Вечеромъ катался онъ въ шарабанѣ со всею царскою семьею, заѣзжалъ въ большой верхній садъ, на музыку, гдѣ обыкновенно соби-
рались жители Петергофа и пріѣзжіе изъ Петербурга, и кушалъ чай въ одномъ изъ павиліоновъ, куда приглашались очень немногіе.

Украшая и обстраивая Петергофъ, онъ не оставлялъ безъ вниманія даже весьма отдаленныя отъ общаго гулянья мѣстности. Такъ, между Самсоньевскимъ павильономъ и дер. Лузино, по дорогѣ къ Александровскому парку, произрасталъ на болотѣ дрянной корявый березнякъ. Государь пожелалъ придать этой мѣстности болѣе красивый видъ, и такъ какъ она принадлежала вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ, онъ выразилъ графу Киселеву желаніе, чтобы онъ распорядился насажденіемъ хорошаго березнику, въ видѣ густой рощи. Немедленно было приступлено къ работамъ, и надзоръ былъ порученъ мнѣ графомъ. Въ глубокой осени мы рыли канавы, равняли кочковатую мѣстность, корчевали и насадили болѣе 150.000 штукъ березъ.

Въ началѣ Апрѣля слѣдующаго года, снѣгъ еще былъ на поляхъ, Государь ѣздилъ въ Петергофъ, осматривать какія-то постройки, и при этомъ и нашу работу, и по возвращеніи выразилъ графу Киселеву негодованіе. Онъ былъ очень недоволенъ произведенными работами. «Что это! Вмѣсто деревьевъ натыканы вѣники. (Въ началѣ Апрѣля всѣ посадки казались еще мизерныѣ). Я этого оставить не могу и не позволю, сказалъ Государь. Поручаю тебѣ къ пріѣзду Императрицы въ Петергофъ все это исправить и исправить какъ слѣдуетъ. Я хочу, чтобы была роща, понимаешь меня?»

Вернулся мой графъ отъ царскаго доклада очень недовольный, обрушился на меня и тутъ же приказалъ отправиться въ Петергофъ и немедленно приступить къ устройству желаемой рощи.

Каково было предпринять такую работу, на такомъ пространствѣ, въ концѣ Апрѣля, и все кончить къ Іюню мѣсяцу! Чтобы ускорить дѣло, я выхлопоталъ нарядъ баталіона Семеновскаго полка. Мы вытаскивали все чтò было посажено осенью и вновь засаживали деревцами, но только отъ 5—6 аршинъ вышиною. Дѣйствительно, роща выросла, и къ 15-му Мая мѣстность совершенно измѣнилась. Государь остался весьма доволенъ. По прибытіи Императрицы въ Петергофъ, онъ повелъ ее въ Александровскій паркъ, новою лѣсистою дорожкой, и при вѣздѣ въ паркъ, на площадкѣ, окруженной столѣтними соснами, Императрица увидала на колоннѣ бѣлаго мрамора поставленный ея бюстъ, съ надписью: «Счастію моей жизни», украшенный массою цвѣтовъ. Въ настоящее время роща, надѣлавшая въ то время столько хлопотъ и волненій, представляетъ прекрасный березовый лѣсъ; поставленный же памятникъ покойной царицѣ побуждаетъ каждаго изъ гуляющихъ подумать объ этой превосходной женщинѣ.

Петергофъ всегда славился иллюминаціями; но иллюминація, которая была устроена въ годъ свадьбы королевы Ольги Нико-

лаевны представляла необычайное великолѣпіе и волшебство. Вся мѣстность Озерковъ съ островами и павильонами была залита огнями. Дворъ и приглашенные находились на Царицыномъ Островѣ, гдѣ былъ сервированъ чай и угощеніе фруктами. На Ольгиномъ островѣ и вдоль всего берега озера была разсыпана, въ костюмахъ Итальянокъ и Итальянцевъ, вся наша балетная труппа, гуляющими толпами въ видѣ многолюдной ярмарки, со всѣми народными весельями и маріонетками. Итальянскіе же оперные артисты, съ извѣстнымъ Рубини во главѣ, въ разукрашенныхъ катерахъ катались по озеру и напѣвали свои баркароллы подъ звуки гитаръ, цитръ и арфъ. Все это до того было восхитительно, въ дивную Іюльскую ночь, что дѣйствительно праздникъ этотъ представлялъ какъ бы «одну изъ тысячи ночей».

Время свадьбы великой княгини Маріи Николаевны также было блистательное и шумное въ Петергофѣ. Наѣхало много царскихъ гостей; праздники, балы, иллюминаціи не прекращались. Былъ многолюдный балъ въ большомъ дворцѣ; приглашенныхъ до 800 человекъ. Я былъ дежурный камеръ-юнкеръ съ камергеромъ Пельчинскимъ при ея высочествѣ. Во время танцевъ великая княгиня сказала Пельчинскому, что она желаетъ танцевать съ Австрійскимъ посломъ графомъ Фикельмономъ. Пельчинскій засуетился, бѣгалъ по залѣ, отыскивая графа; но народу было такъ много, что онъ не скоро нашелъ его въ другой комнатѣ разговаривающаго съ Государемъ Императоромъ. Помѣшать ли разговору, заставить ли великую княгиню ожидать, онъ недоумѣвалъ, сконфузился, въ близости къ Государю совсѣмъ растерялся, и въ торопяхъ, нетвердымъ голосомъ, пробормоталъ: «Monsieur le comte... Monsieur le comte... Madame la duchesse de Leuchtenberg vous prie... de lui faire l'honneur... de danser avec elle!» Графъ низко поклонился Государю и поспѣшилъ къ великой княгинѣ. По отходѣ графа, Государь, бросивъ орлиный взглядъ на Пельчинскаго, громко, отчетливо, какъ бы отчеканивая, сказалъ: «Только неучъ можетъ такъ выражаться. Во первыхъ, у насъ нѣтъ duchesse de Leuchtenberg, — у насъ есть Son Altesse Impériale, Madame la Grande-duchesse Марья Николаевна; во вторыхъ, не эти господа, а она имъ дѣлаетъ честь танцевать съ ними... Извольте оставить залу!»

Все это было высказано такъ громко, что произвело волненіе въ залѣ. Подоспѣлъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, оберъ-камергеръ графъ Литта, и бѣднаго, сильно сконфуженнаго Пельчинскаго тутъ же спровадили. Ко двору его болѣе уже не приглашали; но онъ духу не терялъ, показывался въ обществѣ и даже пояснялъ случившійся съ нимъ «malheureux accident».

На моей обязанности, между прочимъ, лежало, по Понедѣльникамъ (день личнаго доклада графа Киселева Государю) подбирать въ портфель слѣдующія къ докладу бумаги. Графъ имѣлъ для этого два портфеля: одинъ синій, другой зеленый. Я вкладывалъ бумаги по назначенію самого графа, которую вложить въ синій, и которую въ зеленый. Оба портфеля графъ бралъ съ собою, и до входа въ кабинетъ Государя, предварительно освѣдомлялся у камердинера, въ какомъ расположеніи и настроеніи находится Государь, и согласно съ отвѣтомъ камердинера вносилъ съ собою въ кабинетъ тотъ или другой портфель. По возвращеніи отъ доклада я принималъ портфель, и согласно приказанію его сіятельства разбиралъ бумаги и разсылалъ ихъ по департаментамъ. Однажды графъ вернулся отъ Государя озабоченный и встревоженный. Онъ молчалъ, ходилъ по комнатѣ, не замѣчалъ, что я ожидаю его приказаній. Наконецъ, какъ бы про себя, онъ сказалъ: «Государю угодно назначить рекрутскій наборъ, въ весьма короткій срокъ!.. Теперь начало Апрѣля... Всѣ люди на заработкахъ, а когда приступятъ къ набору, такъ и время пахоты наступитъ. Самое неудобное время и для крестьянъ, и для набора. Я не скрылъ предъ Государемъ моего опасенія, чтобы наборъ, объявленный въ такое неудобное время, не возбуждалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большаго ропоту. Вѣдь тогда и высочайшее повелѣніе не поможетъ!»...

Въ то время многіе изъ управлявшихъ палатами Госуд. Имущ. находились въ Петербургѣ, и между ними былъ и братъ мой, Владимиръ Федоровичъ изъ Пскова. Графъ Киселевъ приказалъ извѣстить ихъ всѣхъ, чтобы они немедленно возвращались къ мѣстамъ служенія (такъ какъ манифестъ о наборѣ долженъ этими же днями послѣдовать), но, до выѣзда изъ Петербурга, непременно явились бы къ господину министру для полученія личныхъ его наставленій. Тогда только что вводилась въ государственныя имуществъ новая система рекрутства, *очередная, жеребьевая* (*conscription modifiée*), которая требовала очень тщательной, мѣшкотной и затруднительной провѣрки рекрутскихъ списковъ. Къ тому же крестьяне еще не совсѣмъ ознакомились съ этою реформою, были въ недоумѣніи, а при внезапномъ и спѣшномъ наборѣ, могли возникнуть серьезныя недоразумѣнія. Изъ всѣхъ занятій графа рекрутство было самое для него важное: отдано распоряженіе, чтобы всѣ получаемыя жалобы и просьбы крестьянъ по сему предмету докладывались графу, и онъ очень строго слѣдилъ за дѣйствіями сельскаго и волостнаго начальствъ.

Манифестъ былъ объявленъ, не помню, восемь или десять часовъ съ тысячи; флигель-адъютанты полетѣли по губерніямъ. Наборъ этотъ, въ такое время и въ такой короткій срокъ, видимо, заботилъ

министра. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ донесеній отъ управляющихъ, а въ инныя губерніи разослалъ даже особыхъ чиновниковъ. Недѣли двѣ по объявленіи манифеста, получены отъ 12-ти управляющихъ донесенія, что наборъ благополучно и бездоимочно оконченъ, между ними и отъ Псковскаго управляющаго. Графъ съ особеннымъ удовольствіемъ передалъ мнѣ вложить въ синій портфель изготовленный докладъ Государю о наборѣ. При этомъ я осмѣлился выразить мое любопытство, какую резолюцію Его Величество положить на докладѣ. Нельзя было никакъ ожидать такого успѣха въ 12-ти губерніяхъ. Графъ возвратился отъ Государя. Я принялъ портфель и принялся разбирать бумаги; но, увы, на докладѣ о наборѣ царской резолюціи не было. Меня разбирало нетерпѣніе узнать, что же послѣдовало при докладѣ, и я спросилъ графа: «Государю, надо полагать, было пріятно прочитать объ успѣхѣ набора?»

«Je vous donne en mille, pour deviner ce qu'il m'a dit? Онъ прочиталъ докладъ и обратился ко мнѣ со словами: «Чего же ты опасался? Что ты мнѣ говорилъ, что этого нельзя, что трудно исполнить? Чего ты ожидалъ? Ты видишь, что когда есть дѣйствительная нужда, необходимость—отказа мнѣ отъ народа быть не можетъ».

V.

Въ 1838 г. графъ Киселевъ предложилъ мнѣ командировку въ Восточную Сибирь, для обревизованія государственныхъ имуществъ и поселеній ссыльныхъ, обзорѣнія золотыхъ промысловъ въ отношеніи отводимыхъ подъ пріиски участковъ и поселенія Декабристовъ, освобожденныхъ тогда отъ каторжной работы.

Обозрѣть столь отдаленный малоизвѣстный, край! Тогда и въ Петербургѣ чуть ли не полагали, что соболя бѣгаютъ по улицамъ Иркутска, и что вмѣсто булыжника золотые самородки валяются по полямъ. Достаточно было одного названія «Сибирь», чтобы встрѣтить всевозможныя препятствія со стороны матушки моей. Видя мое непреклонное желаніе взяться за это порученіе, она приступила къ мѣрамъ косвеннымъ. Такъ вдругъ за мною прислалъ г.-ад. А. А. Кавелинъ, большой пріятель нашего дома, состоявшій тогда при Государѣ Наслѣдникѣ. Онъ объяснилъ мнѣ, что въ контору Его Высочества нуженъ чиновникъ съ званіемъ секретаря и заявилъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ меня предложить великому князю, и впередъ убѣжденъ въ успѣхѣ. Секретарь Его Высочества! Сознаюсь, предложеніе это сильно меня отуманило и заставило призадуматься. «Но

нельзя ли мнѣ узнать», спросилъ я, «въ чемъ именно будутъ состоятъ мои занятія и въ какихъ отношеніяхъ я буду поставленъ къ Его Высочеству?»—«Дѣла тебѣ будетъ немного», сказалъ Кавелинъ: «быть ежедневно въ конторѣ, писать пригласительныя записки, отвѣчать на безконечныя ходатайства о пособіяхъ, вести опись бумагамъ; дѣло нетрудное, да и несложное». Совмѣщая съ званіемъ секретаря великаго князя занятія болѣе серіозныя, я недоумѣвалъ и, желая узнать, какъ самъ Кавелинъ понимаетъ и взвѣшиваетъ эту должность, рѣшился спросить: какое же полагается содержаніе такому секретарю?»—«Не болѣе 1400 рублей въ годъ». Изъ этого отвѣта я понималъ, что предлагаемая должность не есть должность настоящаго секретаря, а нуженъ просто чиновникъ-писарь; слѣдовательно занятія не предвѣщаютъ интереса, и какъ ни лестно было состоять въ конторѣ Государя Наслѣдника, я искренно поблагодарилъ Александра Александровича и объяснилъ ему, что къ крайнему моему сожалѣнію я не могу принять любезное его предложеніе, такъ какъ готовлюсь ѣхать по порученію графа Киселева въ Восточную Сибирь и въ настоящее время занятъ собираніемъ по этой командировкѣ матеріаловъ и документовъ.

Моя поѣздка служила темою разговоровъ всему нашему обществу. Послѣ всяческихъ успокоеній и увѣщаній графа Киселева и графа Бенкендорфа, который въ молодости и самъ доѣзжалъ до Тобольска *), что въ Сибири живутъ прекрасно, да и командировка будетъ не долгосрочная, матушка изъяснила согласіе, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ѣхалъ со мною докторъ Иванъ Сергѣевичъ Персинъ, которому и сдали меня на руки.

Послѣ безчисленныхъ сборовъ, провозжаній, слезъ и прощаній, въ Февралѣ 1839 года, мы съ докторомъ пустились въ путь. Въ Москвѣ пришлось остановиться: тогда проживала тамъ старушка Е. Θ. Муравьева, мать сосланныхъ Никиты и Александра Муравьевыхъ. Она была близкая знакомая моей матушки, и такъ какъ многое поручала передать сыновьямъ, то я по необходимости долженъ былъ пребыть въ Москвѣ цѣлую недѣлю. Ежедневно она мнѣ доставляла разныя посылочки, и даже почти въ моментъ нашего выѣзда, я получилъ отъ нея ящикъ, довольно большаго размѣра, да съ такою убѣдительною записочкою о передачѣ его Никитѣ, что, несмотря на то, что наша

*) Объ этой поѣздкѣ молодого Бенкендорфа въ Сибирь, съ какимъ-то порученіемъ отъ императора Павла, сохранились лишь смутныя преданія. Любопытно было бы знать, за чѣмъ именно посылали туда будущаго шефа жандармовъ. Не знаетъ ли кто изъ читателей Русскаго Архива? П. В.

повозка уже была сильно нагружена, я не рѣшился ей отказать, и ящикъ поѣхалъ съ нами. Доктору приходилось очень плохо сидѣть, и на первой же станціи отъ Москвы онъ упросилъ меня распаковать ящикъ и посылаемые вещи разложить между нашими, лишь бы избавиться отъ ящика. Открыли мы ящикъ: *мать посылала сыну за 6 т. серсть 1/2 сотни яблоковъ!* Понятно, яблоки выбросили: они до первой станціи уже замерзли, въ чемъ потомъ искренно я повинился предъ Никитою Михайловичемъ.

Графъ Бенкендорфъ поручилъ жандармскимъ штабъ-офицерамъ по всѣмъ губернскимъ городамъ Сибири содѣйствовать моему путешествію, и этого было достаточно, чтобы, по пріѣздѣ въ какой либо городъ, меня непременно встрѣчали, угощали и всячески за мною ухаживали. Но и мой золотой придворный мундиръ, который я напяливалъ въ торжественные дни, придавалъ престижу моей особѣ. До самаго Иркутска..... долженъ сознаться, дѣло прошедшее! вся дорога была рядомъ кутежей: непремѣнные проводы въ каждомъ городѣ, а Сибирякъ безъ Шампанскаго провожать не можетъ. Въ особенности въ Красноярскѣ, гдѣ былъ гражданскимъ губернаторомъ Копыловъ и куда съѣхались многіе изъ золотопромышленниковъ, кутежи и угощенія были непрерывные. Тамъ мы припуждены были оставаться за распутицею и довольно долго; при выѣздѣ же изъ этого города, я только на третьей станціи очнулся! У меня осталось въ памяти, что на переѣздѣ рѣки Енисея, еще не совсѣмъ очищеннаго отъ льдинъ, во все время нашего плаванія, купцы Николай Мясниковъ, Можаровъ и почтмейстеръ Лабковской, каждый при ящикѣ съ Шампанскимъ, требовали, чтобы перевозчики хоромъ заявляли и окрикивали число опорожненныхъ и бросаемыхъ въ рѣку бутылокъ. Весною, во время ледохода, переправа чрезъ Енисей требовала большихъ предосторожностей; для насъ былъ изготовленъ особенный баркасъ, и мы употребили шесть часовъ на переѣздъ, и какъ я растался съ моими провожатыми, не знаю. Какъ вспомню, такъ совѣстно становится.. Ну, да это давно прошедшее!

Послѣ восьминедѣльнаго путешествія мы пріѣхали въ Иркутскъ. Позабылъ я сказать, что въ Тобольскѣ губернаторомъ былъ Талызинъ, человекъ замѣчательно бойкаго ума, но также большой кутила. Онъ задержалъ меня, несмотря на ворчаніе моего доктора. Чтобы похвастаться своимъ обществомъ, онъ далъ большой балъ, pour la ville et le faubourg, на которомъ требовалъ непремѣннаго моего присутствія. Въ Сибири, вообще, все общество состоитъ изъ чиновниковъ и купцовъ съ ихъ женами; помѣщиковъ, дворянъ нѣтъ. Кажется, во всей Сибири имѣется одинъ только въ Тобольской губерніи помѣщикъ, ко-

торому еще императоромъ Александромъ было пожаловано маленькое имѣнье. Балъ былъ очень оживленный, и Тобольскія барыни ни въ чемъ не отставали, ни въ туалетахъ, ни въ любезностяхъ, отъ Петербургскихъ. Между прочими угощеніями, Талызинъ впервые познакомилъ меня съ пересылочнымъ острогомъ. Тутъ мнѣ привелось увидать бывшую княгиню Трубецкую, лѣтъ 32-хъ, изъ Пензенской, кажется, губерніи, сосланную за то, что она засѣкла свою горничную изъ ревности. Ей предстояло, послѣ 3-хъ-тысячи-верстной прогулки по этапу, еще пройти по этапу же слишкомъ 3 т. верстъ; но уже въ Тобольскѣ ничего у ней княжескаго, женскаго, не оставалось: до того этапное шествіе можетъ измѣнить и развратить женщину.

Но какъ человекъ вообще привыкаетъ ко всему! Ссылные, каторжные, даже ихъ наружный видъ, какъ вспомнится, при вѣздѣ въ Сибирь, наводили на меня самое тяжелое впечатлѣніе; ихъ подробныя разказни о причинахъ ихъ ссылки, большею частію по ихъ словамъ, по наговору или невинно, наводили на меня вообще какое-то особенное чувство сожалѣнія къ ихъ участи. Я имъ вѣрилъ и даже находилъ несправедливость людей въ ихъ ссылкѣ. Вотъ чувство, которое ощущаешь при первомъ знакомствѣ съ этою средою. Но въ послѣдствіи, непрерывно будучи въ столкновеніи съ этимъ людомъ, познакомившись съ ними ближе, до того привыкаешь къ этимъ «несчастливымъ», что прежнее чувство сожалѣнія замѣняется совершенно противоположнымъ, болѣе скажу, равнодушіемъ. Въ нихъ видишь уже не людей, а какихъ-то звѣрей.

Генераль-губернаторомъ Восточной Сибири былъ тогда старикъ Рупертъ, человекъ очень добрый, не отличавшійся особеннымъ умомъ, но весьма любимый въ краѣ, характера слабаго, очень простаго въ обращеніи, въ высшей степени благородный. Нельзя было не удивляться, какъ онъ терпѣлъ при себѣ гражданскимъ губернаторомъ А. В. Пятницкаго, весьма ограниченнаго и сомнительной честности человека. Жена его, Любовь Александровна, женщина бойкая, красивая, руководила всѣмъ и всѣмъ ворочала.

Квартира мнѣ была отведена въ большомъ каменномъ домѣ купца Медвѣдниковъ. Проѣхавъ 6500 в., мы съ докторомъ отдыхали за самоваромъ, и я уже собирался ѣхать являться къ ген.-губернатору, какъ его адъютантъ Максимовичъ прибылъ отъ его имени звать меня обѣдать безъ церемоннаго представленія. Конечно, по долгу службы, я поспѣшилъ все-таки явиться къ генералу. Онъ меня чрезмѣрно обладалъ, познакомилъ со своимъ семействомъ, удержалъ къ обѣду и, узнавъ, что докторъ при мнѣ, тутъ же послалъ пригласить и его къ обѣду. Распросамъ, что дѣлается въ Петербургѣ, при дворѣ, въ обществѣ не

было конца. Служебные разговоры дозволены не были: генералъ ихъ откладывалъ до другаго времени и требовалъ, чтобы я хорошенько отдохнулъ и, какъ говорится, пришелъ въ себя послѣ такой дороги. За обѣдомъ я познакомился съ чиновникомъ особыхъ порученій Успенскимъ, который, какъ депутатъ отъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, долженъ былъ находиться при мнѣ и сопровождать при всѣхъ служебныхъ моихъ разъѣздахъ. Но каково было мое удивленіе, когда (послѣ обѣда мы сидѣли въ гостиной и курили сигары) я услышалъ звуки инструментовъ и квинтетъ Моцарта съ кларнетомъ (А mol). Рупертъ, зная вообще Львовскую любовь къ музыкѣ, приготовилъ мнѣ этотъ сюрпризъ. Меня до того разстрогали эти дивныя мелодіи, такъ меня перенесло къ своимъ домашнимъ, что къ стыду моему я не удержался отъ слезъ! Первую скрипку игралъ отбывшій каторгу Алексѣевъ, нѣкогда дирижёръ музыки у графа Аракчеева, приговоренный и сосланный по дѣлу убійства Настасьи; на кларнетъ игралъ сосланный лолякъ Крошецкій, и хотя исполненіе было, понятно, не то, къ которому я привыкъ, но оно доставило тогда мнѣ такое чувство отрадное, родное, что и по сіе время (1884) равнодушно вспомнить о томъ не могу! Этого было достаточно, чтобы я сблизился съ этими Сибирскими артистами и видѣлъ въ нихъ не ссыльныхъ, а равныхъ себѣ, страстныхъ музыкантовъ *).

Когда я познакомился съ обществомъ и лицами, имѣвшими отношеніе къ порученному мнѣ дѣлу, послѣ совѣщанія съ генералъ-губернаторомъ и составленія программы занятій, было рѣшено: начать съ обозрѣнія и устройства поселеній Декабристовъ, находившихся въ Петровскомъ Заводѣ (Верхнеудинскаго уѣзда), при разъѣздахъ по Забайкальскому краю производить ревизію государственныхъ имуществъ, а обозрѣніе золотыхъ промысловъ отложить до весны слѣдующаго года.

Канцелярію мою составляли, кромѣ чиновника Успенскаго, дѣлопроизводитель, два землемѣра и три писца.

Хотя въ 1825 году, я былъ еще очень молодъ, но присужденные къ ссылкѣ Трубецкой, Волконскій, Лунинъ, Муравьевы и другіе такъ часто бывали въ домѣ отца моего, даже многіе изъ нихъ были товарищами моихъ братьевъ, что я ѣхалъ къ нимъ какъ бы къ знакомымъ, близкимъ, и весьма понятно, что и они меня встрѣтили

*) Меня удивило найти въ домѣ генералъ-губернатора, въ залѣ, копію съ большаго портрета Гавр. Роман. Державина въ сѣткахъ, извѣстнаго художника Тончи. (Оригиналъ находится у Н. А. Львова въ Москвѣ). Никто не могъ объяснить, кѣмъ и когда эта копія привезена въ Иркутскъ.

съ особеннымъ радушіемъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что вообще, со времени ихъ ссылки, они вездѣ и во всѣхъ начальствующихъ лицахъ находили большое сочувствіе къ ихъ положенію. Это отзывъ ихъ самихъ, мнѣ не разъ повторенный. Будучи первоначально разсыяны по Нерчинскимъ заводамъ, потомъ содержимы въ г. Читѣ, они наконецъ были помѣщены въ Петровскомъ Заводѣ. Тутъ они были соединены; тутъ былъ выстроенъ особый для нихъ огромный острогъ, изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ жило отъ 4-хъ до 8-ми человѣкъ. Кроткое съ ними обращеніе, какъ при бывшемъ г.-губернаторѣ Броневскомъ, такъ и при Рупертѣ, и особенно въ Петровскомъ Заводѣ, гдѣ они нашли въ комендантѣ Лепарскомъ человѣка съ рѣдкимъ добрымъ сердцемъ, всегда и повсюду, смягчало ихъ участь. Собственно въ рудникахъ они работали очень недолгое время *); въ Читѣ—насыпали шоссе; а въ Петровскомъ Заводѣ—работали на мельницѣ, мололи муку и прокладывали къ мельницѣ дорогу на разстояніи 3-хъ верстъ. По выходѣ изъ Петровскаго Завода они были избавлены отъ принудительной работы и должны были быть поселены на избранныхъ ими же самими мѣстностяхъ въ границахъ Восточной Сибири.

Носмотря на то, что Луинъ былъ охотникъ до краснаго словца и никого не щадилъ, но и онъ, хотя подсмѣивался надъ добрымъ Лепарскимъ, отдавалъ полную справедливость старику-коменданту. Дѣйствительно, участливость этого старика была замѣчательна, особенно къ женамъ поселившимся близъ острога. Жены входа въ острогъ не имѣли, въ свободное же отъ работъ время Лепарскій позволялъ мужьямъ навѣщать ихъ. Все, что писалось и рассказывалось о Декабристахъ придавало этимъ господамъ и ихъ женамъ *какую-то поэтичность*; да я самъ, до пріѣзда въ Иркутскъ, былъ подъ этимъ впечатлѣніемъ. Познакомившись же съ ними ближе я ни поэзіи, ни рыцарства не нашелъ, и моей фантазіи привелось во многомъ разочароваться. Безспорно, между ними были прекрасные люди, умные и образованные, я былъ въ наилучшихъ съ ними отношеніяхъ и находилъ большое удовольствіе быть въ ихъ обществѣ; но людей съ выдающимся убѣжденіемъ и волею, съ положительнымъ характеромъ и логикою я не встрѣтилъ между ними. Можетъ быть, 14 лѣтъ ссылки и каторги измѣнили ихъ; но я вспоминаю, какъ ихъ узналъ въ 1839 году.

Изъ женъ я засталъ княгиню Трубецкую (урожденную гр. Лаваль), Александру Ивановну Давыдову, княгиню Марью Николаевну

*) Артамонъ Муравьевъ, сохранявъ чопорность прежняго барина, когда былъ поселенъ въ сел. Разводной, на стѣнкѣ съ охотничьимъ оружіемъ, въ видѣ трофея, вывѣшивалъ свои рукавицы, въ которыхъ работалъ на каторгѣ.

Волконскую (ур. Раевскую) и Марью Ивановну Юшневскую. Первые двѣ, и особенно княгиня Трубецкая, дѣйствительно раздѣляли горькую участь мужей съ замѣчательнымъ смиреніемъ и покорностью. У Трубецкой дѣтей въ Россіи не было, рожденныя же въ Сибири двое дѣтей составляли все ея счастье. Она была слугою и нянькою своего старика-мужа и не только не роптала на свое положеніе, но отзывалась объ этомъ положеніи съ какимъ-то чувствомъ отрады и довольства. Ее и въ окологдѣ иначе не называли, какъ святая женщина. Про остальныхъ, къ сожалѣнію, я не могу этого сказать. NN., женщина умная, бойкая и очень пріятная, не могла мириться съ ссылкой и была недовольна всѣмъ и всѣми. Она любила посѣщать выстроенный домикъ ссыльнаго Іосифа Поджіо на отведенномъ ему участкѣ близъ Иркутска, на самомъ берегу Ангары, величая выстроенную для Іосифа избенку «mon chalet». Этотъ шале былъ поставленъ между утесами, и къ нему иначе проѣхать было нельзя, какъ верхомъ или водою. Какъ я молодъ ни былъ, но не разъ мнѣ приводилось ублажать эту барыню и защищать старика***, очень слабого характеромъ, больного, недалняго ума, но въ высшей степени добраго.

Волконскій, два брата Муравьевыхъ, Никита и Александръ и докторъ Вольфъ были поселены въ селеніи Урикѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Иркутска. Трубецкой, Вадковскій, Лунинъ и Александръ Поджіо въ сел. Аѣкѣ, въ 30-ти верстахъ. Артамонъ Муравьевъ и Юшневскій въ Разводной, въ 5-ти верстахъ; Пановъ въ 25-ти; Іосифъ Поджіо въ 12-ти верстахъ отъ Иркутска. По близости разстоянія селеній отъ города, я чаще видѣлся съ этими господами и болѣе съ ними сблизился. Прочіе были разсѣяны по всему Забайкальскому краю: такъ напримѣръ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ ¹⁾ — въ Баргузинѣ, братъ его Карлъ — на границѣ Китайской; Бестужевы Николай и Михайлъ ²⁾ — въ Селенгинскѣ; Оболенскій — близъ Верхнеудинска; Спиридовъ, Митьковъ и Давыдовъ — въ Красноярскѣ и пр. Большая часть изъ нихъ жили въ простыхъ избахъ; но Муравьевы, Трубецкой, Волконскій, Артамонъ Муравьевъ и Давыдовъ выстроили себѣ помѣщичьи усадьбы; а маленький домикъ Артамона даже былъ отдѣланъ и убранъ съ нѣкоторымъ шикомъ. Каждому было дозволено получать изъ Россіи отъ родныхъ, женатому—3000 р., холостому—1500 р. асс.; но тѣ, кото-

¹⁾ Вильг. Кюхельбекеръ при мнѣ женился на крестьянкѣ, много писалъ стихами, сочинялъ и прочитывалъ свои произведенія женѣ, воображалъ, что онъ Руссо. Мнѣ однажды онъ сказалъ, показывая на жену: „mais c'est ma Thérèse!“

²⁾ Александръ Бестужевъ былъ уже переведенъ на Кавказъ, когда я ѣздилъ въ Сибирь.

рыхъ родственники не забыли и имѣли большія средства, получали келейнымъ способомъ, чрезъ купцовъ и пріѣзжихъ, несравненно болѣе опредѣленнаго.

Дружны между собою они никогда не были. Правда, они собирались временами у Трубецкаго или у Муравьевыхъ, случалось сидеть за столъ до двадцати человѣкъ и болѣе; но ссоры между ними не прекращались. Въ особенности докторъ Вольфъ, которому практика въ городѣ доставляла хорошія средства, всегда умѣлъ всѣхъ перессорить и былъ заводчикомъ и участникомъ всевозможныхъ сплетенъ.

Никита Муравьевъ считался между ними какъ бы старшимъ, выдающимся: суровый, молчаливый, до крайности раздражительный; все критиковавшій, но здоровый старикъ. Я его засталъ, по моему, скорѣе полусумашедшимъ, чего впрочемъ товарищи его не признавали. По отзывамъ ихъ, онъ отличался блестящимъ умомъ, научностью и большою начитанностью. Надо полагать, что ссылка сильно на него подѣйствовала, чтобы я его нашелъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ 1839 году.

Между ними были также люди совершенно неповинные въ дѣяніяхъ своихъ, какъ напримѣръ Быстрицкой, Бечастной (Черниговскаго полка) и другіе послѣдователи вожаковъ, не имѣвшіе даже въ ссылкѣ ничего общаго съ товарищами, люди честные, тихіе, но ни на что неспособные. Были и такіе какъ Якубовичъ *) и Вильгельмъ Кюхельбекеръ, которыхъ и каторга не угомонила ни въ сужденіяхъ, ни въ обхожденіи: характеръ брѣтѣрства ихъ не покинулъ. Якубовичъ не иначе выходилъ на улицу, даже въ городѣ, какъ имѣя винтовку за плечами; чуть-ли онъ не спалъ съ нею. Онъ поступилъ въ Иркутскѣ въ прикащики къ винному откупщику Мальвинскому.

Лукинъ рѣзко отличался отъ всѣхъ ѣдкимъ умомъ и веселымъ характеромъ. Никогда не унывая, онъ жилъ какъ бы шутя. Будучи воспитанъ Іезуитами, онъ былъ высокаго образованія и учености, и въ его характерѣ сохранилось тонкое обращеніе съ людьми безъ всякой изысканности. Когда онъ былъ корнетомъ кавалергардскаго полка, во время командованія полкомъ великаго князя Константина Павловича, его высочество какъ-то отозвался неосторожно и обидно объ офицерахъ полка. Все общество офицеровъ подало въ отставку. Дѣло это огорчило Государя Александра Павловича, и много надѣлало шума въ городѣ. Его высочество, въ присутствіи всего полка, обратился къ офицерамъ съ завѣреніемъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ нихъ и очень сожалѣетъ, если его слова были непоняты и показались обид-

*) Крестообразные рубцы на лбу, слѣды полученной раны отъ пули на дуэли съ Грибоѣдовымъ и большіе глаза, придавали ему очень суровый видъ.

ными, и очень бы желалъ, чтобы господа офицеры были въ этомъ убѣждены; впрочемъ, если этого завѣренія имъ недостаточно, онъ готовъ имъ дать сатисфакцію. Луининъ далъ шпоры лошади, выскочилъ, ударилъ по шее палаша: «*Trop d'honneur, votre altesse*», закричалъ онъ, «*roug refuser!*» Эта выходка не помѣшала Лунину въ послѣдствіи поступить адъютантомъ къ его высочеству. Жилъ онъ въ Варшавѣ, гдѣ принялъ католичество; тамъ и былъ въ 1825 году арестованъ. Въ Сибири, въ ссылкѣ, онъ всегда былъ ревностнымъ католикомъ. Такимъ же рыцаремъ Донъ-Кихотомъ и я его засталъ въ 1839 году. Когда Луининъ уже былъ поселенъ въ селеніи Урикѣ, онъ велъ переписку со своею сестрою Уваровою *), находившейся въ Петербургѣ. Прочитавъ въ письмѣ сестры описаніе бывшаго въ Аничковскомъ дворцѣ бала-маскарада временъ Петра I-го, онъ дозволилъ себѣ въ отвѣтномъ письмѣ весьма неприличныя остроты на счетъ государя Николая Павловича, и вслѣдствіе этого письма гр. Бенкендорфъ сообщилъ Руперту, что Государь высочайше повелѣтъ соизволилъ объявить Лунину, что ему запрощается въ теченіи года писать письма. Посланный поскакалъ за Лунинымъ.

Въ это утро я находился у Руперта по дѣламъ службы, какъ пришли доложить, что Лунина привезли. Генераль, будучи занятъ со мною, отвѣчалъ: «Прошу обождать, я занятъ.» Не прошло и десяти минутъ, какъ адъютантъ доложилъ, что Луининъ ожидать не хочетъ и поручилъ передать генералу, что онъ во власти и въ правѣ за нимъ присылать и требовать его къ допросу двадцать пять разъ на день, но ожидать въ пріемной онъ не желаетъ.

«Вотъ это всегда такъ!» сказала обращаясь ко мнѣ Рупертъ, «а вѣдь умный, очень умный чловѣкъ! Просите».

Луининъ вошелъ. Генераль-губернаторъ весьма ласково, показывая бумагу гр. Бенкендорфа, сказалъ: «Съ сожалѣніемъ, Михаилъ Сергѣевичъ, мнѣ приходится вамъ сообщить, что ваши письма опять навлекли негодованіе Государя. Вотъ отношеніе шефа корпуса жандармовъ, которымъ запрещается вамъ писать письма въ теченіе года». «Хорошо-съ!... Писать не буду!»—«Такъ потрудитесь прочесть и подписать эту подписку», и подаль ему заготовленный листъ бумаги, на которомъ было прописано все отношеніе гр. Бенкендорфа и обычное изложеніе подписки. Луининъ посмотрѣлъ на бумагу и со свойственною ему улыбкою сказалъ: «Что-то много написано.... А!... я читать не буду.... Мнѣ запрещаютъ писать?.... не буду!» Перечеркнулъ весь

*) Отличная музыкантша, восхищавшая Петербургъ игрою на клавикордахъ.

листъ перомъ и на оборотѣ внизу написалъ: «Государственный преступникъ Луинъ даетъ слово цѣлый годъ не писать.» Вамъ этого достаточно, ваше высокопревосходительство? А.... читать такія грамоты право лишнее.... Въдь это чушы!... Я больше не нуженъ». Поклонился и вышелъ.

Меня всегда крайне удивляло смѣшеніе въ его характерѣ весьма часто мелочнаго, вовсе неумѣстнаго съ высокимъ чувствомъ благо родства и разумности; точно въ немъ было два совершенно различныхъ характера. Я былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Случалось въ откровенныхъ разговорахъ дѣлать ему замѣчанія на его выходки; онъ ихъ выслушивалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же подсмѣивался и все обращалъ въ шутку. Въ Аѣкѣ, гдѣ онъ былъ поселенъ, Луинъ былъ особенно уважаемъ крестьянами; они имѣли къ нему полное довѣріе, обращались за совѣтами въ случаѣ ссоръ, и онъ ихъ разбиралъ; съ дѣтьми былъ очень ласковъ, ребятишки по цѣлымъ днямъ играли у него на дворѣ и, не смотря на его занятія и постоянное чтеніе богословскихъ книгъ, онъ находилъ удовольствіе возиться съ дѣтьми, училъ ихъ грамотѣ, вообще въ деревнѣ много дѣлалъ добра и посѣщалъ больныхъ. Надобно сказать, что Луинъ нѣкогда былъ влюбленъ въ мою матушку, и это была одна изъ причинъ, что онъ былъ особенно расположенъ ко мнѣ. Онъ находилъ, что я очень похожъ на матушку и часто мнѣ говаривалъ: *J'aurais été bien heureux de vous savoir catholique!*....

Такого строгаго послѣдователя католицизма я и въ Польшѣ не встрѣчалъ; онъ никогда не пропускалъ въ извѣстное время прочитывать свой требникъ (*bréviaire*), и еженедѣльно капеланъ изъ Иркутска пріѣзжалъ къ нему исполнять церковную службу.

Онъ очень рѣдко рѣшался пріѣхать въ городъ, но какъ-то внезапно явился ко мнѣ, и на мое удивленіе видѣть его въ Иркутскѣ отвѣчалъ мнѣ: *Oui, cher ami, je viens dans la capitale; il me faut des bottes.... et si vous n'avez personne des autorités, je viens vous demander à dîner....* Немедленно я распорядился обѣдомъ и угостилъ моего гостя хорошимъ лафитомъ. Разобрало старика. Онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, вспоминалъ старину, рассказывалъ разные анекдоты, пѣлъ Французскіе куплеты; но и досталось же мнѣ отъ моего доктора, который очень опасался, чтобы этотъ кутежъ не по дѣйствовалъ на здоровье Лунина. Для большей предосторожности, я не хотѣлъ его одного пустить ѣхать въ Аѣкъ и рѣшилъ его проводить. Намъ предстояло проѣхать тридцать верстъ; дорогою Луинъ совсѣмъ охмѣлѣлъ, но въ обычный часъ вынулъ изъ кармана свою книжку и давай бормотать молитвы. Я не могъ ему не замѣтить, что

мнѣ очень странно, что онъ, который только и повторяетъ о желаніи меня видѣть католикомъ, самъ же не стыдится при мнѣ бормотать свои молитвы, будучи совершенно въ пьяномъ видѣ: *Oh! mon cher, отвѣчалъ онъ, mais c'est là que je m'humilie! Je me présente ivre-mort devant Dieu!* Доѣхали мы благополучно, и я его сдалъ на руки его старому слугѣ Антипычу.

По прошествіи года, какъ я его ни уговаривалъ и ни убѣждалъ быть осторожнѣе въ сужденіяхъ и насмѣшкахъ, какъ его ни увѣрялъ, что выходки его не только вредятъ ему самому, но и товарищамъ его, онъ написалъ большую критику на Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи по ихъ дѣлу. Онъ утверждалъ, что правительство ограничилось только однимъ слѣдствіемъ, но что суда вовсе не было; выставилъ не въ благовидномъ отношеніи дѣйствія великаго князя Михаила Павловича и бывшаго военнаго министра Чернышова, да и самое слѣдствіе очертилъ вообще пристрастнымъ и недобросовѣстнымъ. Черезъ кого-то переслалъ онъ эту толстую тетрадь къ сестрѣ въ Петербургъ, и какъ она попала въ Лондонъ и была отпечатана, не знаю. По отсылкѣ уже тетради онъ мнѣ какъ-то говоритъ смѣясь: *«Je serai pris!... Mon cher, je serai pris! Mon cher, je serai pris! Ils aiment trop à lire mes chefs-d'oeuvres, pour croire qu'ils ne liront pas le grand ouvrage que je viens d'expédier. Aussi je commence à faire mes dispositions en conséquence».*

Въ ожиданіи ареста онъ все, что имѣлъ, раздѣлил между товарищами, и мнѣ досталась большая его кофейная чашка; а всѣ атрибуты молельни онъ пожертвовалъ въ Иркутскую католическую церковь.

Онъ жилъ въ Аѣкѣ большимъ оригиналомъ. Изба его стояла посреди двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ; она раздѣлялась стѣнами на двѣ половины; въ одной, какъ онъ говорилъ: *«Ceci, c'est mon cabinet, mon fumoir, mon salon et mon carcere-duro!»* Въ другой половинѣ избы была устроена католическая молельня со всѣми атрибутами.

У него находился въ услуженіи одинъ только старикъ Антипычъ, бывшій вахмистръ кавалергардскаго полка, котораго онъ величалъ своимъ комендантомъ, со строгимъ приказаніемъ: никому воротъ не открывать и никого не впускать безъ предварительнаго ему доклада.

Въ Пятницу на страстной недѣлѣ (1841), часовъ въ 8-мъ утра, Артамонъ Муравьевъ запыхавшись вбѣжалъ ко мнѣ: *«Дунинъ арестованъ сегодня рано утромъ, часа въ 4-ре; его уже привезли въ домъ къ генер.-губернатору!»* Не теряя времени, я поспѣшилъ поѣхать къ генералу, гдѣ нашелъ Дунина въ особой комнатѣ, возлѣ прихожей, съ жандармами у дверей. Онъ прохаживался по комнатѣ, покуривая тру-

бочку, совершенно покойно, со своею всегдашнею улыбкою. Я былъ взволнованъ несравненно болѣе его и, собственно приѣхавъ, чтобы съ нимъ видѣться, не нашелъ ничего другаго ему сказать какъ: *Comment, Loumine.... vous ici?—Oui, mon cher; le général a désiré me voir, et me voilà; mais son excellence me fait attendre! Veuillez me faire donner du tabac. Ces messieurs ont mis une ardeur si grande à me faire quitter la maison, que ma blague y est restée.* Тутъ я узналъ, что наканунѣ фельдъегоръ привезъ бумагу отъ графа Бенкендорфа съ высочайшимъ повелѣніемъ Лунина отправить на поселеніе въ одинъ изъ отдаленныхъ рудниковъ Нерчинскаго завода. Въ исполненіе сего генералъ-губернаторъ, арестовавъ Лунина, распорядился въ этотъ же день его отправить въ рудникъ Акатуй, — рудникъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, гдѣ ссыльные, работая въ шахтахъ, большею частию прикованы къ тачкѣ, лопатѣ, однимъ словомъ къ чему-нибудь; другихъ не встрѣчаешь, да и мѣстность рудника до того уныла, что наводитъ жестокую грусть; рудникъ далеко небогатый, почему и рабочихъ и стражи очень немного, а сельчанъ вовсе нѣтъ.

Арестъ Лунина всѣхъ встревожилъ. У меня съѣхались княгиня Марья Николаевна Волконская, Артамонъ, Якубовичъ, Пановъ; они неотступно просили устроить такъ, чтобы имъ проститься съ Лунинымъ; тѣмъ болѣе, что по городу пронесся слухъ, что его велѣно расстрѣлять. Всю эту грустную кутерьму надѣла злополучная тетрадь. Уварова переслала ее въ Лондонъ. Не полагаю, чтобы Луинъ писалъ свою критику съ намѣреніемъ, чтобы ее напечатали, хотя она была имъ написана на Англійскомъ языкѣ.

Узнавъ, что жандармскому офицеру маіору Полторанову поручено отвести Лунина въ Акатуй, я обратился къ нему съ убѣдительною просьбою: когда онъ отправится съ нимъ въ путь, чтобы онъ остановился въ лѣсу за тридцать верстъ отъ города, гдѣ мы будемъ его ожидать. Я уже говорилъ, что жандармы всячески старались мнѣ угодить, и въ семъ случаѣ Полторановъ не только согласился на мою просьбу, но чтобы мы имѣли время напередъ выѣхать, далъ слово не торопиться своимъ выѣздомъ. Я самъ отправился на почтовой дворъ приказать выслать ко мнѣ двѣ тройки. Почтъ-содержателемъ тогда въ Иркутскѣ былъ клейменный, отбывшій уже каторгу старикъ 75-ти лѣтъ Анкудинычъ, всѣми очень любимый. Почти вслѣдъ за мною прискакалъ казакъ съ требованіемъ двухъ троекъ въ домъ генералъ-губернатора; было ясно, для бѣднаго Лунина! Анкудинычъ сильно встревожился арестомъ Лунина, и пока закладывали лошадей, вдругъ куда-то исчезъ. Тройки были уже готовы—а его нѣтъ; какъ сверху лѣстницы послышался его голосъ: «Обожди, обожди!» и сбѣгая съ

лѣстницы, онъ сунулъ ямщику въ руки что-то, говоря: «Ты смотри, какъ только Михаилъ Сергѣевичъ сядетъ въ тѣлегу, ты ему всунь въ руки... Ему это пригодится!.. Ну... съ Богомъ!»

У меня слезы навернулись. Конечно этотъ варнакъ (преступникъ), посылая Лунина пачку ассигнацій, не разчитывалъ на возвратъ, да едва ли могъ и ожидать когда-либо съ нимъ встрѣтиться.

Въ домѣ у себя я нашелъ тѣхъ же лицъ въ лихорадкѣ; а Марья Николаевна спѣшила зашивать ассигнаціи въ подкладку пальто, съ намѣреніемъ пальто надѣть на Лунина при нашемъ съ нимъ свиданіи въ лѣсу. Надо было торопиться!... Мы поскакали. Верстахъ въ 30-ти мы остановились въ лѣсу, въ 40 шагахъ отъ почтовой дороги на лужайкѣ. Было еще холодно и очень сыро, снѣгъ еще лежалъ по полямъ; и такъ какъ въ недалекомъ нашего лагеря находилась изба Панова, онъ принесъ самоваръ и коврикъ, мы засѣли согрѣваться чаемъ и ожидать нашихъ проѣзжающихъ. Не смотря на старанія Якубовича насъ потѣшать разсказами и анекдотами, и Панова, согрѣвавшего уже третій самоваръ, мы были въ очень грустномъ настроеніи. Послышались колокольчики.... всѣ встрепнулись, и я выбѣжалъ на дорогу.

Луининъ, какъ ни скрывалъ своего смущенія, при видѣ насъ чрезвычайно былъ тронутъ свиданіемъ; но по обыкновенію смѣялся, шутилъ и хриплымъ своимъ голосомъ обратился ко мнѣ со словами: «Je vous disais que je serai pris.... Ils vont me prendre, me fusillier... m'écarter.... La pilule était bonne! Странно, въ Россіи, всѣ непременно при чемъ-либо или при комъ либо состоятъ. Ха, ха, ха! Львовъ при Киселевѣ, Россетъ *) при Михаилѣ Павловичѣ.... я всегда при жандармѣ.... Et celui-là cette fois (показывая на Гаврила Петровича Полторанова)—c'est mon ange Gabriel».

Напоили мы его чаемъ, надѣли на него приготовленное пальто, распростились..... и распростились на всегда! По прибытіи въ Акатуй, онъ мѣсяца не прожилъ. Онъ умеръ отъ горячки.

Вотъ что мнѣ передалъ жандармскій офицеръ, арестовавшій Лунина въ Аѣкѣ. По пріѣздѣ фельдгегера, генераль-губернаторъ немедленно распорядился арестовать Лунина въ ночь съ Четверга на Пятницу; для этого онъ командировалъ полицеймейстера г. Иркутска (Поляка), жандармскаго офицера и чиновника особыхъ порученій при двухъ жандармахъ. Они пріѣхали въ Аѣкѣ въ 2 часа ночи; ворота заперты; стали стучать, Антипычъ отвѣчалъ: «что баринъ спитъ и не приказалъ будить; онъ очень усталъ на охотѣ». Жандармы пере-

*) Полковникъ, инспектировавшій тогда Сибирскую артиллерию. братъ А. О. Смирновой.

лѣзли, открыли ворота, прїѣзжіе вошли въ избу и дѣйствительно нашли Лунина спящимъ; когда же полицеймейстеръ сталъ его будить и торопить одѣваться, такъ какъ они прїѣхали его арестовать, Лунинъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «Вы меня извините, господа, я такъ изнурился на охотѣ, что дайте мнѣ выспаться; а тамъ везите куда хотите». На возраженіе полицеймейстера, что нельзя терять времени, надо ѣхать, Лунинъ закричалъ Антипычу: «Такъ хоть чаемъ угости незваныхъ гостей. Вы извините, у меня кромѣ кирпичнаго другаго нѣтъ. Да похвастай Антипычъ козою, что я сегодня убилъ». Чиновникъ замѣтилъ, что на стѣнѣ висятъ ружья, посоветовалъ полицеймейстеру ихъ убрать. Тотъ передалъ Лунину (по польски) требованіе чиновника, на что Лунинъ отвѣчалъ по-русски: «Да, конечно, конечно надо убрать, ружье вещь страшная..... вѣдь эти господа привыкли къ палкамъ!» Вся деревня сбѣжалась его провожать, толпа была на дворѣ, всѣ прощались, плакали, бѣжали за телѣгою, въ которой сидѣлъ Лунинъ, и кричали ему въ слѣдъ: «Да помилуетъ тебя Богъ, Михайлъ Сергѣевичъ! Богъ дастъ, вернешься! Мы будемъ оберегать твой домъ, за тебя молиться будемъ!» А одинъ крестьянинъ-старикъ даже ему въ телегу бросилъ каравай съ кашею.

(Продолженіе будетъ).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

4.

Стр.

Стр.

1. Графиня Фоссъ про Императора Александра Павловича и про Русский дворъ (1802—1814. Со снимкомъ съ современной гравюры, изображающей первое свиданіе съ королевой Луизой). 465
2. Автобіографія А. О. Дюгамеля V—VII. (Польскій мятежъ.—Поездка въ Сирію и разговоръ съ Ибрагимомъ-пашею. — Николай Павловичъ о Египтѣ.—Служба въ Египтѣ.—Перезады по Востоку.—Мехметъ-Али). 489
3. Письма В. А. Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу. 1849 годъ. (Сравненіе революцій 1789—1849 годовъ.—Юбилей Жуковскаго.—Кончина великой княжны Александры Александровны. — Рейтернъ и его картины). 526
4. Изъ воспоминаній Л. Ф. Львова. VI— VIII (Концертъ въ Иркутскѣ. — Разбойникъ Рыковъ.—Ссылные въ Сибири. — Добыча соболей.—Прощальный пиръ). 541
5. Изъ Записокъ Старога Преображенца. 1856 годъ. (Солдатская грамотность.—Гренадеры.—Походъ на коронацію.—Сумятица обмундировки.—Иностранцы на коронаціи.—В. Е. Челышевъ). Князя Н. Н. Имеретинскаго 558
6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана. Главы X—XIII (Начало газетности.—Корадини.—Князь Барятинскій въ Тифлисъ.—Походы въ Малую и Большую Чечни.—Бабынскія разговоры.—Грамотишъ.—Комитетъ во Владикавказѣ). 600
7. Н. С. Соханская (Кохановская) и ея автобіографическое письмо къ Петербургской пріятельницѣ. 629
8. За Богомъ молитва не пропадаетъ. (Николай Павловичъ и крестьянка-мать). Архимандрита Леонида. 638
9. Декабристъ баронъ Розенъ о Эстляндскихъ дѣлахъ. (Сообщено М. Н. Галкинымъ-Враскимъ). 641
10. Славянскіе гости у Русскаго Царя. (Изъ Записокъ Миличевича). 644
11. „Новая Свѣтлана“. Пародія, приписанная къ Н. А. Полевому. (1840). 647
12. Щепинъ. Мочаловъ. Ленскій, и стихи сего послѣдняго. 660
13. Острословія А. О. Армфельда. 661
14. Поправки и замѣтки. (Надпись Русскаго генерала на колоннѣ въ Кобленцѣ 1814 года. — Д. В. Веневитиновъ у барона А. А. Дельвига.—О гравюрѣ, изображающей свиданіе Александра Павловича съ королевой Луизой). 661

(Содержаніе Р. Архива 1884 г. см. на обор.)

Приложена гелиогравиюра, изображающая первое свиданіе Императора Александра Павловича съ Прускою королевою Луизой (1802).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА *).

VI.

Въ числѣ декабристовъ находился Федоръ Вадковской, поселенной въ селеніи Аёкъ,—малый умный, симпатичный, хорошій музыкантъ, прекрасно играющій на скрипкѣ, очень скромный, въ пріязни со всѣми товарищами и не вмѣшивающійся ни въ какія дразги и сплетни. Очень понятно, мы сошлись уже потому, что оба музыканты, а съ моимъ пріѣздомъ въ Иркутскъ страсть къ музыкѣ еще болѣе у Вадковского разыгралась. Бывало, какъ пріѣду въ Аёкъ, мы по цѣлымъ вечерамъ у него въ избѣ разыгрывали дуэты Viotti; а иной разъ, когда привезу моихъ Иркутскихъ артистовъ, наслаждались и квартетиками.

Въ Иркутскѣ былъ подъ рукою полный оркестръ, составленный частью изъ музыкантовъ внутренняго баталіона и частью изъ поселенцевъ, отбывшихъ каторгу, и нѣкоторые оркестровыя произведенія исполнялись весьма порядочно. Генераль-губернаторъ Рупертъ очень часто устраивалъ у себя музыкальные вечера, на которыхъ жена Верхнеудинскаго окружнаго начальника (фамиліи не припомню) отличалась своимъ голосомъ и весьма порядочнымъ пѣніемъ. У генераль-губернатора бывали также домашніе спектакли, въ которыхъ дочь его Елена и майоръ горной службы Таскинъ, товарищъ знаменитаго Самойлова по Горному Институту, выказывали выдающіеся драматическіе таланты. Режиссерская и музыкальная часть лежали на моей обязанности; декоратора же мы добыли изъ Нижнеудинска, ссыльнаго старика, весьма даровитаго.

*) См. выше, стр. 347.

Нѣсколько спектаклей устраивалось въ купеческой залѣ съ благотворительною цѣлью, и нѣкоторые были очень удачны какъ сценическимъ исполненіемъ, такъ и сборами. Надо полагать, что не искусство нашихъ актеровъ заманивало публику, а положительное отсутствіе въ то время въ Иркутскѣ подобнаго рода развлеченій.

Возникла мысль устроить концертъ въ пользу отбывающихъ ка-торгу и не имѣющихъ средствъ къ обзаведенію на поселеніи. На эту мысль купечество отозвалось, какъ всегда, весьма сочувственно, и мысль была приведена въ исполненіе. Много мнѣ было хлопотъ, и главное уговорить Вадковскаго участвовать какъ солисту въ концертѣ; только благодаря настоянію генерала, онъ согласился играть со мною *Concertante* Шпора для двухъ скрипокъ. Между прочими нумерами была исполнена полнымъ оркестромъ увертюра «Оберонъ» Вебера; исполненіемъ нельзя было похвалиться, увертюра писана не для Иркутскихъ музыкантовъ, слишкомъ трудна, но была назначена къ исполненію лишь потому, что оркестровыхъ партій какой либо другой увертюры въ Иркутскѣ не нашлось. Концертъ состоялъ изъ 5 нумеровъ:

1. Увертюра Оберонъ. Оркестръ.
2. Варіаціи для скрипки, Мауера Алексѣевъ.
3. Капризъ Мендельсона Баронъ Сильверсгельмъ.
4. *Concertante* Шпора Львовъ и Вадковскій.
5. Гимнъ Боже Царя храни. Хоръ и оркестръ.

Концертъ удался (понятно для Иркутска). Главная цѣль была достигнута: собрано ассигнаціями 3200 р., изъ коихъ 300 р. были выданы оркестру, а 2900 р. отосланы къ начальнику Нерчинскихъ заводовъ для раздачи по принадлежности. Деньги эти послужили большимъ пособіемъ для многихъ, очень многихъ ссыльныхъ. Утромъ, въ день концерта, одинъ изъ жителей, почтенный Василій Николаевичъ Басинъ, большой меломанъ, постоянный посѣтитель моихъ квартетныхъ вечеровъ, заплатилъ за свой входной билетъ 500 р. съ тѣмъ условіемъ, чтобы 300 р. были выданы собственно оркестру.

Въ память этого концерта я приказалъ распилить найденный лично мною на рѣкѣ Ононѣ въ пескахъ сердоликъ, сдѣлать два кольца, и выгравировать на каждомъ по двѣ первые такты Корсентанта, что мы съ Вадковскимъ исполняли: мотивъ перваго голоса—для Вадковскаго, втораго—для меня. Пановъ, занимающійся золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, обдѣлалъ кольца очень хорошо. Кольцо мое и по сіе время сохраняю; что же касается Вадковскаго, онъ не дожилъ до общей амнистіи 1856 года. Куда его кольцо дѣвалось послѣ его смерти, дознаться трудно.

VII.

Однажды, разѣзжая въ тарантасѣ тройкою по Забайкальскому краю, мнѣ привелось взбираться шагомъ на очень высокую гору; замѣтивъ, что по обѣ стороны дороги въ лѣсу копошатся казаки и народъ, я спросилъ ямщика что это они тамъ дѣлають?

— Облава, ваше высокородіе!

— На кого?

— Да все на Рыкова..... Да что-то плохо дается..... Вотъ четвертый день маются въ лѣсу, а все толку нѣтъ!

Рыковъ былъ бѣглый съ каторги варнакъ (преступникъ). Онъ уже восемь разъ судился за разные убійства и грабительства, восемь разъ наказывался, восемь разъ ссылался на каторгу и восемь разъ съ каторги бѣгалъ! И на этотъ разъ онъ бѣжалъ изъ большого Нерчинскаго завода, неистовствовалъ и грабилъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ и наводилъ страхъ не только по деревнямъ, но и въ самомъ городѣ.

Подымаясь шагомъ въ гору, ямщикъ продолжалъ разказывать всевозможныя страсти, производимыя Рыковымъ въ ихъ мѣстности: какъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ ограбилъ проѣзжающаго и увелъ тройку лошадей; на прошедшей недѣлѣ обокралъ церковь вблизи ихъ селенія; какъ переодѣвшись Рыковъ ночевалъ у нихъ въ деревнѣ и даже пировалъ въ кабацѣ съ волостнымъ писаремъ, и намѣревался было убить сотскаго, да ему помѣшали, не убилъ, а только сильно поранилъ; какъ, за двѣ недѣли, онъ увезъ молодую жену у поселенца, продержалъ ее три дня, отпустилъ, давъ ей на дорогу четыре серебрянныхъ цѣлковыхъ и пр. пр.; Рыковъ непрерывно переодѣвается; узнать его трудно—разѣзжаетъ то въ телѣгѣ, то въ тарантасѣ бариномъ.

Грабительства Рыкова вынудили начальство принять самыя энергическія мѣры къ поимкѣ его. Вся полиція была на ногахъ, а какъ у него была цѣлая шайка изъ подобныхъ ему, которые въ одно и тоже время появлялись, все подъ именемъ того же Рыкова, въ разныхъ мѣстахъ, то полиція была крайне затруднена въ своихъ поискахъ.

Въ Иркутскѣ тоже заговорили о Рыковѣ и даже побливались его; не проходило дня, чтобы новыя продѣлки его не всплывали. Къ поимкѣ злодѣя была командирована въ распоряженіе окружнаго начальника казачья сотня, и во время моего проѣзда производила облаву, по указанію одного изъ его шайки.

Взѣхали мы на вершину горы, откуда пролегала по довольно крутой наклонности прямая какъ струнка версты съ четыре дорога

къ станціи. Спускъ былъ крутой. Я было приказалъ ямщику затормозить тарантасъ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ началѣ горы крутизна не такъ еще значительна, но что, проѣхавъ съ версту, онъ непременно затормозить.

Спустились мы не болѣе $\frac{1}{2}$ версты, какъ ямщикъ обернулся назадъ и въ сильномъ волненіи и въ страхѣ закричалъ:

— Баринъ!..... Рыковъ насъ догоняетъ!

Оглянулся и я въ свою очередь, и вижу, что дѣйствительно телѣга тройкою, съ сѣдоками, мчалась во всю мочь и насъ нагоняла.

Прежде чѣмъ я успѣлъ вымолвить слово, ямщикъ уже ударилъ по лошадамъ, и мы помчались съ горы, да такъ.... что и не знаю, какъ насъ Богъ сохранилъ и какъ мы доѣхали живы!

Примчались мы къ станціи. Въ слѣдъ за нами прискакиваетъ и задняя телѣга, и что же? Это былъ, засѣдатель Сологубъ съ казакомъ, въ нагольномъ тулупѣ! Подъ впечатлѣніемъ указанія сельчанъ, что они наканунѣ видѣли Рыкова, проѣзжающаго въ тарантасѣ, онъ въ порывѣ усердія, что захватить наконецъ варнака, надѣлавшаго столько хлопотъ, принялъ мой тарантасъ за тарантасъ Рыкова.

Каково же было его разочарованіе! Онъ до того растерялся, до того сконфузился, что мнѣ пришлось употребить все мое краснорѣчіе и ласку, чтобы его успокоить; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я отъ души поблагодарилъ Господа, что насъ принесло на станцію съ головою и ногами. Спустя два мѣсяца Рыковъ былъ пойманъ, около Нижнеудинска, въ 400 верстахъ, по другую сторону Иркутска; былъ вновь наказанъ и вновь отправленъ по этапу въ Нерчинской большой заводъ. На долго ли? И не бѣжалъ ли съ дороги?

Ссылные на каторгу въ то время клеймились, на одной щекѣ буквою В., на лбу О, а на другой щекѣ буквою Р. т.-е. *Воръ*; однакоже они ухищрались вытравливать клейма и между собою объясняли эти буквы: «онъ весьма разуменъ».

Слѣдованіе ссылныхъ въ Сибирь по этапу вообще представляло въ высшей степени неустройство и поражало тѣмъ развратомъ, въ которомъ буйная эта среда обрѣталась въ продолженіи всего долгаго пути.

Каждый Понедѣльникъ приходила въ Иркутскъ партія ссылаемыхъ, отъ 400 до 600 человекъ, половина приговоренныхъ на каторгу, другая половина на поселеніе, употребивъ на прослѣдованіе 6 тыс. верстъ, слишкомъ два года. Въ Иркутскѣ ихъ сортируютъ по заводамъ и рудникамъ, или отсылаютъ на поселеніе *), подъ конвоемъ

*) Достойно вниманія, что, при сравненіи процента осуждаемыхъ къ ссылкѣ женщинъ къ общему населенію по губерніи, высшій процентъ причитается Остзейскимъ губерніямъ.

далеко недостаточнымъ сравнительно съ числомъ отсылаемыхъ. Въ продолженіи такого долгаго слѣдованія, самый смиренный и тихій ссыльный превращается въ разбойника и относится уже къ своей участи совершенно равнодушно. Неоднократно были примѣры, что за нѣсколько картофелевъ какой-нибудь ссылаемой А на поселеніе уступалъ свое право поселенія каторжному Б и уже на слѣдующемъ этапѣ, при переключкѣ, откликался именемъ Б, а сей послѣдній именемъ А, такъ что приговоренный къ поселенію уже слѣдовалъ на каторгу вмѣсто другаго.

Конвойная стража не можетъ разводить каждаго поселенца отдѣльно въ мѣста его водворенія; конвой ограничивается лишь указаніемъ ему гдѣ именно находится предназначаемая ему деревня и гдѣ ему приходится своротить съ дороги, отпуская его одного и продолжая свой путь съ другими ссыльными. Весьма повѣстно, что многіе изъ таковыхъ поселенцевъ, чувствуя себя на свободѣ, вовсе и не доходятъ до мѣста, бродяжничаютъ и разными средствами добываютъ себѣ пропитаніе. Всякая азартная игра, карты, бабки, орлянка и пр. запрещена и строго преслѣдуется по этапамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ довелось видѣть на одномъ этапѣ ссыльнаго, въ зимнее время, обернутого соломой: онъ до рубашки свою одѣжу проигралъ въ *блугины*, т.-е. пуская вшей въ запуски, откармливая этихъ рысаковъ и оберегая ихъ у себя же на рукѣ, т.-е. прикрывая коробочкою. О женщинахъ и говорить нечего: онѣ превращаются во что-то необъяснимое—это уже не женщина!

Въ царствованіе Николая Павловича было выстроено нѣсколько огромныхъ селеній, въ сотню дворовъ каждое, собственно для водворенія поселенцевъ; но эти поселенія къ сожалѣнію не достигли цѣли. Всѣ дома пусты, ни одинъ изъ поселенцевъ въ нихъ не проживаетъ, и двери и окна забраны досками.

Чтобы поселенцу обзавестись хозяйствомъ и домомъ, не смотря на всѣ предоставляемыя ему отъ правительства льготы, ему нужна жена-хозяйка. Изъ старожиловъ ни одинъ не согласится отдать за него свою дочь, а изъ сосланныхъ женщинъ и самъ поселенецъ ни одной не возьметъ; поэтому онъ шатается, бродяжничаетъ, при случаѣ нанимается въ работники, стараясь попасть на золотые промыслы и, работывая иногда большія деньги, проматываетъ ихъ и пропиваетъ съ первой же деревнѣ по выходѣ съ промысловъ. Съ весеннимъ теплымъ временемъ, когда лѣсъ начинается покрываться зеленью, бѣжать съ каторги есть общія болѣзни ссыльно-каторжныхъ. Были примѣры, по удостовѣренію начальниковъ надъ рудниками, что многіе изъ ссыльныхъ сами просили ихъ заковать, чтобы затруднить побѣгъ.

Стража на заводахъ и рудникахъ инвалидная, и вообще очень недостаточная. По всей Сибирской дорогѣ, съ ранней весны, бѣглые ссыльные какъ тараканы ползутъ по опушкѣ лѣса, пробираясь все къ Россіи, что по отдаленности имъ удается рѣдко. По всѣмъ деревнямъ по дорогѣ, крестьяне, въ огражденіе грабительства и поджога, выставляютъ по окошкамъ на ночь этимъ варнакамъ ковриги хлѣба, корчаги съ картофелемъ, молоко, лукъ и прочее. Весною каторжникъ бѣжитъ съ завода, пробирается по лѣсу; но лишь настанутъ осенніе холода, онъ держится въ лѣсу и проводитъ ночь; станетъ ему нестерпимо, онъ старается, чтобы его поймали и посадили въ острогъ городской, а не этапной: тамъ и теплѣе, и накормятъ, и одѣнутъ.

При поимкѣ, на допросахъ, онъ прямо показываетъ, что онъ бѣглый и чтобы только продлить время его содержанія въ теплѣ, онъ покажетъ, что онъ бѣглый изъ такого-то завода, что тамъ-то совершилъ убійство, тамъ-то грабежъ. Наводятся справки; окажется все ложь, что никогда такого на заводѣ не было, никакого убійства не совершено, и если еще весна не настала, онъ вновь наговариваетъ на себя разные преступленія; наводятся новыя справки; а пока онъ все сидитъ въ острогѣ. Затѣмъ его отправятъ, а онъ съ перваго же этапа бѣжитъ.

Большею частію эти бродяги-варнаки, въ числѣ трехъ-четырехъ подобныхъ себѣ, народъ довольно смирный, трусливый и вооруженный чѣмъ попало. Мнѣ случалось очень часто ихъ встрѣчать въ моихъ разъѣздахъ; и даже однажды у меня сломался тарантасъ, и я вынужденъ былъ просить ихъ пособія, чтобы доѣхать до станціи. Случаются между ними, хотя рѣдко, и такіе какъ Рыковъ, Горскій, Кулакъ, которые, грабительствомъ и замѣчательною смѣлостью, наводятъ положительно страхъ на всю мѣстность ихъ бродяжничества. Крестьяне, вмѣсто того чтобы содѣйствовать полиціи къ ихъ поимкѣ, напротивъ, изъ боязни подпасть мщенію, укрываютъ ихъ.

Горскій, также бѣглый каторжникъ-варнакъ, производилъ неистовства и грабежи довольно долгое время въ Забайкальскомъ краѣ; всѣ предпринимаемыя мѣры захватить его были безуспѣшны. Поиски и облавы на него производились именно въ то время, когда я находился въ Петровскомъ Заводѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ что княгиня *, проживавшая въ избѣ около Завода, изъ гуманности, скрывала Горскаго у себя на чердакѣ трое сутокъ. Наконецъ, удалось Горскаго поймать, около Троицкосавска (Кяхты) и препроводить въ Иркутскій острогъ; по справкамъ обнаружилось, что онъ въ одиннадцатый разъ судится за преступленіе и на этотъ разъ подлежалъ суду по двумъ различнымъ дѣламъ, и до отсылки его на каторгу долженъ былъ быть приговоренъ къ двумъ наказаніямъ,

кнутомъ и плетью. Мнѣ привелось впервые видѣть Горскаго при его наказаніи. Молодецъ собою, лѣтъ 38-ми, съ широкими плечами, съ большими очень выразительными глазами, онъ шелъ на казнь съ изумительнымъ хладнокровіемъ, не смотря на то, что, по освидѣтельствованіи его, онъ столько уже разъ былъ наказанъ кнутомъ, что остающихся послѣ наказанія и излѣченія рубцовъ на спинѣ сосчитать было невозможно. По наказаніи его 15-ю ударами кнута, онъ былъ отвезенъ въ госпиталь, гдѣ, навѣстивъ его, я обратился къ нему со словами: — «Пора бы тебѣ, Горскій, перестать воровать.» На это онъ отвѣчалъ грубо: — «Я не воровалъ, а грабилъ!» — «Ты видишь, что и грабительства тебѣ судъ не прощаетъ: вотъ ты опять въ госпитальъ». — «Ничего-съ! Отъ сегодняшняго справимся! А вотъ послѣ втораго дѣла, каша будетъ круче!» Плети, по закону, считаются легчайшимъ наказаніемъ противъ кнута, но выносятся осужденными несравненно тяжелѣ.

VIII.

Зима 1841 года была очень суровая и сильно снѣжная. Отправившись въ Ноябрь въ Баргузинскій край для обозрѣнія тамошнихъ Тунгусовъ, Самоѣдовъ и поселенцевъ, мнѣ привелось испытать всѣ прелести странствованія на лыжахъ и оленяхъ для достиженія нѣкоторыхъ сѣверныхъ Тунгузскихъ кочевьевъ. Пройдешь, бывало, на лыжахъ верстъ 5—6-ть, до того утомишься, что невольно принужденъ остановиться и отдохнуть. Вся мѣстность засыпана глубокимъ снѣгомъ; сопутствующіе мнѣ казаки выроютъ яму въ снѣгу, разведутъ по срединѣ костеръ, наставятъ самоваръ, и мы трѣмся съ часокъ времени. Но хорошенько не отдохнешь, надо торопиться, чтобы не запоздать къ ночлегу; такъ что мы подвигались очень медленно, и лишь тронешься, бывало, въ путь, неминуемо съ непривычки захватяешь концомъ лыжъ снѣгъ, упадешь, барахтаешься въ глубокомъ снѣгу, казаки подойдутъ подымать, сами падаютъ, и немало времени пройдетъ, пока весь караванъ справится, чтобы продолжать путь. Прогулка не весьма пріятная; а между тѣмъ, въ настоящее время, сидя у себя въ теплѣ (1884 г.), эти самыя лишенія и затрудненія вспоминаешь съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.

Городъ Баргузинъ, родина соборей, представлялъ видъ не города, а посѣлка. Церковь, площадь, кабакъ, десятка два домовъ или лучше сказать избенокъ—вотъ Баргузинъ того времени. Мнѣ была отведена квартира въ наилучшемъ домѣ, у купца Ивана Ивановича Черныхъ.

Этотъ ловкій человекъ проживалъ въ Баргузинѣ уже лѣтъ 18-ть; нажилъ хорошее состояніе и имѣлъ огромное влияніе на весь край;

онъ считался не только богатѣйшимъ, но и всемогущимъ. Весь его промыслъ заключался въ ростовщичество; онъ всѣмъ и поселенцамъ и въ особенности Тунгусамъ, давалъ въ долгъ водку, порохъ, свинецъ, соль и пр. требуя уплаты лишь по окончаніи пушнаго промысла, т. е. въ Ноябрь и Декабрь, пушнымъ же товаромъ: соболемъ, бѣлкою, для чего и высылалъ своихъ прикащиковъ съ водкою на встрѣчу Тунгусамъ, возвращающимся съ промысла. Прикащики, въ свою очередь, оцѣняя соболя, бѣлку, по цѣнѣ подходящей ихъ хозяину, налагали вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну за забранный Тунгусами товаръ неизмѣнно высокую. Разсчеты производятся въ лѣсу, съ помощію водки, къ которой вообще кочевой народъ очень падокъ. Тунгусъ до того нелюдимъ, такъ боится города и въ особенности начальства, что весьма охотно сбываетъ прикащику свой пушный товаръ въ лѣсу, лишь бы ему не идти въ городъ, и тутъ же, у прикащика купца Черныхъ, вновь забираетъ въ долгъ товаръ и запасается всѣмъ ему необходимымъ, для обезпеченія семьи. Всѣ эти задолженія дѣлаются безъ всякаго письменнаго обязательства, все совершается на словахъ, и какихъ-либо квитанцій въ уплатѣ долга Тунгусу не выдается. Нѣтъ Тунгуса, который бы не зналъ «барина Ивана Ивановича», не былъ бы ему долженъ и никогда не выходилъ изъ этихъ постоянныхъ и тягостныхъ задолженій. Окружной начальникъ, исправникъ, вся полиція находилась въ рукахъ Баргузинскаго барина; онъ распоряжался всѣмъ, какъ помѣщикъ полнымъ хозяиномъ. Долги Тунгусовъ были такъ значительны, неоплатимы, что я вынужденъ былъ отнести къ г.-губернатору о томъ вредѣ, который причиняетъ Черныхъ всему Баргузинскому краю и о тѣхъ вымогательствахъ, которымъ подвергнуты Тунгусы. Разъѣзды по кочевьямъ и обозрѣнія бродячихъ инородцевъ требовали и времени, и много затрудненій: гдѣ проходило на лыжахъ пропутешествовать, гдѣ на оленяхъ въ саласкахъ, а гдѣ и верхомъ на оленяхъ въ чищѣбѣ; гдѣ по указанію старшины ожидалъ встрѣтить и найти Тунгусовъ, по прибытіи на мѣсто, ихъ уже и въ поминѣ не было. Къ тому, и самъ Черныхъ былъ во многомъ для меня помѣхою. Мой пріѣздъ не могъ быть ему пріятенъ, и онъ всячески старался и поселенцевъ, и Тунгусовъ ставить противъ меня. Онъ разсылалъ своихъ прикащиковъ предварять инородцевъ, что царскій чиновникъ будто бы ѣздитъ по ставкамъ ихъ набирать въ солдаты и пр. Начальство покровительствовало Ивану Ивановичу и старалось скрыть его дѣйствія, а Тунгусы изъ страха молчали, и мнѣ лично было довольно трудно дознать всю истину дѣяній этого благодѣтеля края.

Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ Кюхельбекеръ (декабристъ), поселенный около Баргузина и сопутствовавшій въ моихъ экскурсіяхъ и

еще другой, также ссыльно-поселенецъ, бывшій дворянинъ Гороховъ, говорившій по-тунгуски, много мнѣ способствовали обнаружить весьма серіозныя продѣлки Ивана Ивановича.

Въ одну изъ таковыхъ моихъ дальныхъ экскурсій было собрано до 20-ти человекъ бродячихъ Тунгусовъ. По удаленіи старшинъ и становаго пристава, мы разсѣлись кружкомъ около костра, заварили кирпичнаго чаю, и Гороховъ служилъ переводчикомъ; начались спросы и распросы. Въ этотъ день Тунгусы были какъ-то болѣе откровенны, довѣрчивы. Они жаловались на свое тяжкое положеніе, на Ивана Ивановича, на крайній ихъ недостатокъ въ добываніи пороха, свинца и соли, и вообще на всѣ угнетенія, которыя они испытываютъ отъ всѣхъ и отъ каждаго. Словомъ, представили мнѣ ихъ положеніе въ такомъ грустномъ и тяжкомъ видѣ, что совсѣмъ разжалобили меня. Въ карманѣ у меня было размѣнено около ста рублей ассигн. на бывшія синенькія 5-ти руб. бумажки. Я обратился къ Тунгусамъ съ возможными увѣщаніями и успокоеніями, что будутъ приняты всѣ мѣры къ улучшенію ихъ быта, что и въ порохѣ и соли недостатка не будетъ, жены и дѣти голодать не будутъ, и передалъ имъ пачку синенькихъ ассигнацій, сказавъ:—«Это вамъ Царь посылаетъ, вашимъ женамъ гостинецъ, съ тѣмъ, чтобы вы исправно вносили ясакъ» *) и пр.

Удивленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе Тунгусовъ въ этотъ моментъ описать трудно. Они всѣ не встали... а вскочили! Перестали курить свой тютюнъ, молча смотрѣли на меня, да такими дикими глазами, что я просилъ Горохова ихъ успокоить и вразумить. «Да не ты ли самъ Царь или братъ Царя? Ты не простой чиновникъ. Начальникъ требуетъ съ насъ ясакъ, денегъ, а ты намъ даешь! Принесемъ тебѣ собольку (соболя)!».... Они были положительно поражены.

Баргузинскіе *кочевые* инородцы народъ очень покорный, тихій и въ высшей степени трусливый. Они различаются отъ *бродячихъ* и закономъ. Кочевой кочуетъ всегда на одной и той же извѣстной мѣстности; онъ перемѣняетъ ставку своей юрты раза три-четыре въ году, собственно для подножнаго корма оленей, всегда старается быть въ кружкѣ и ставить юрту въ сосѣдствѣ съ другими; тогда какъ бродячіе Тунгусы и Самоѣды, появляющіеся весьма часто въ краѣ, есть чисто *бродячіе* постоянно по сѣвернымъ окраинамъ Сибири, отъ Камчатки до Архангельска; они никакого опредѣленнаго и постояннаго мѣста для кочевья не имѣютъ; бродятъ со всѣмъ своимъ семействомъ, оленями и собаками, въ городъ или селеніе никогда не заходятъ, и гдѣ находятся въ извѣстное время, никто и самъ старшій не знаетъ.

*) Подать пушнымъ товаромъ, въ пользу Кабинета Е. И. Величества.

У бродячихъ, какъ и у кочевыхъ, имѣются *старшіе* (старшой) изъ бродячихъ же, но болѣе пріобыкшихъ къ людямъ, которые обязаны являться въ контору (инородческую управу) и вносить надлежащій съ бродячихъ инородцевъ ясакъ. Какая-либо провѣрка во взносѣ ясака, да и самое исчисленіе инородцевъ, не только затруднительна, но положительно невозможна, и показывается старшимъ совершенно произвольно; чѣмъ онъ руководствуется при взносѣ ясака,—я добратъся не могъ. Какой ясакъ старшой вносилъ въ прежнее время, въ томъ же количествѣ онъ его вѣроятно приносить и нынѣ, и въ этомъ отношеніи, произволу и злоупотребленіямъ—широкое поле! Собранныя и представленныя мною въ министерство свѣдѣнія о бродячихъ инородцахъ, при всемъ моемъ стараніи, едва ли могутъ считаться даже приблизительными; они до того поверхностны и недостаточны, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить какимъ-либо основаніемъ.

Бродячій, уходя на промыселъ, назначаетъ и приказываетъ женѣ забрать всѣ пожитки, оленей и собакъ и перейти со всѣмъ семействомъ на новое мѣсто; все это навьючивается на оленя, и возвращающійся съ промысла Тунгусъ находитъ уже и семью, и юрту въ назначенномъ урочищѣ. Кочевые инородцы въ сравненіи съ бродячими могутъ считаться какъ бы осѣдлыми; они, какъ и бродячіе, подчиняются конторѣ (инородческой управѣ). Старшіе ведутъ имъ исчисленіе, завѣдуютъ ими и собираютъ съ нихъ подлежащій ясакъ. Но едва ли имѣющіяся въ управѣ свѣдѣнія о кочевыхъ достовѣрны: они большею частію основаны на показаніяхъ приблизительныхъ старшаго, которыхъ нигдѣ не провѣряются, и исчисленіе инородцевъ, и взносъ ясака зависятъ болѣе или менѣе отъ добросовѣстности старшаго. Собственно расправа у инородцевъ, какъ у кочевыхъ такъ и у бродячихъ, производится между ними безъ всякаго участія инородческой управы. Охота на медвѣдей, лисицъ, бѣлокъ, рысей, горностаевъ и пр. есть обыкновенный общій промыселъ всѣхъ инородцевъ въ теченіе цѣлаго года. Но охота на соболя, какъ на особенно цѣннаго звѣрка, подчинена особеннымъ, по этому промыслу, законамъ и обычаямъ, которые Тунгусы строго наблюдаютъ: въ случаѣ малѣйшаго кѣмъ-либо изъ нихъ нарушенія, виновный между ними преслѣдуется безпощадно. По отзывамъ старожиловъ это преслѣдованіе нерѣдко доходитъ и до убійства, для изслѣдованія котораго полиція средствъ не имѣетъ.

Баргузинскій край, гдѣ водится соболь высшаго достоинства и сорта, весь раздѣленъ между кочевыми Тунгусами на участки или урочища, принадлежащіе извѣстному Тунгусу и переходящіе отъ отца по наслѣдству къ сыну. Никто кромѣ хозяина не имѣетъ права охотиться въ этомъ урочищѣ. Хозяинъ въ своемъ урочищѣ какъ бы

воспитываетъ, оберегаетъ, возвращаетъ соболя и молодаго убивать никакъ не будетъ. Если соболь перебѣжитъ въ сосѣднее урочище, хозяинъ послѣдняго не имѣетъ права убивать забѣжавшаго звѣрка, не предупредивъ перваго хозяина, и тогда они оба вмѣстѣ идутъ на соболя и полученную выручку дѣлятъ между собою. Хозяинъ Тунгусъ всегда узнаетъ соболя своего урочища *по оси шерсти (оконечности) и ушкамъ*: примѣты едва замѣтныя для посторонняго, но онъ не только узнаётъ своего соболя, но даже распознаетъ соболей другихъ урочищъ.

Вообще они употребляютъ для охоты винтовки старой конструкции и бьютъ звѣря непременно съ сошекъ; на соболя же, чтобы не испортить шкурки, употребляютъ лукъ и стрѣлы, на оконечности которыхъ, вмѣсто желѣза (боевой стрѣлы), насажена деревянная шишечка (томарь); эта стрѣла звѣрка не убиваетъ, но только отъ удара въ лобикъ его одуряетъ, и онъ падаетъ; тутъ же стрѣлокъ сдираетъ шкурку, а соболемъ позавтракаетъ. Замѣчательно, до чего доходить терпѣніе Тунгуса, не ѣвши два-три дня, слѣдить, сторожить соболя, и если уже стрѣляетъ, онъ бьетъ его навѣрняка. Въ весеннее время на соболя не охотятся. Перваго добытаго на промыслѣ звѣрка онъ, по принятому обычаю, непременно откладываетъ для уплаты Царю ясака и сдаетъ его старшему, который уже относитъ его въ управу. Тутъ совершается обычное зло: всевозможные Иваны Ивановичи и другіе, пользуясь своимъ вліяніемъ, обмѣниваютъ у старшаго шкурки, и въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества въ Петербургъ отсылаются уже не тѣ, которыя предназначались плательщиками.

Тунгусы принадлежатъ къ шаманскому толку, но всѣ чтутъ образъ Св. Николая Чудотворца; у каждаго въ юртѣ непременно можно найти образокъ, и эти образки въ большомъ количествѣ находятся въ лавкахъ Баргузина, для продажи Тунгусамъ. Собственно къ шаманству и къ шаманамъ Тунгусы прибѣгаютъ изрѣдка, пользуясь ими большею частію лишь тогда, когда сами шаманы являются въ ставку, чтобы заслужить и получить даяніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, у каждаго Тунгуса *неминуемо* за пазухою барашковая шкурка, и въ нее вставлено два королька въ видѣ глазокъ,—это его *святость* покровительствующая его. Въ случаѣ благопріятнаго исхода предпринятаго дѣла Тунгусъ смазываетъ шкурку сметаною, въ случаѣ же какой-либо неудачи ее сѣчетъ. Шаманы—это колдуны, шарлатаны, безъ всякаго духовнаго убѣжденія. Въ юртѣ, при разведенномъ кострѣ, шаманъ бросаетъ въ огонь одуряющій какой-то порошокъ, пляшетъ, воетъ, даже мычитъ, приходитъ въ изступленіе и въ этомъ-то состояніи предсказываетъ и возвѣщаетъ будущность.

При всѣхъ моихъ наблюденіяхъ и распросахъ я не замѣтилъ ни въ одномъ шаманѣ (а ихъ много перевидалъ) малѣйшаго духовнаго, религіознаго убѣжденія, но видѣлъ въ нихъ чисто шарлатановъ, вовсе не вліяющихъ на Тунгуса и добывающихъ шаманствомъ лишь средства къ жизни. Ни одного праздника не бываетъ безъ двухъ-трехъ шамановъ, разукрашенныхъ шкурками и тряпочками. Они на праздникѣ служатъ только диковиннымъ зрѣлищемъ для гуляющихъ.

Между прочимъ, въ бытность мою у Абрамова (декабриста, также поселеннаго въ Баргузинскомъ краѣ) онъ передалъ мнѣ, что въблизи селенія явился шаманъ, очень бойкій Тунгусъ, предсказывающій будущность. Отправились мы къ нему въ юрту. Шаманъ, послѣ всевозможныхъ кривляній, вздоховъ и мычаній, объявилъ, что онъ чувствуетъ себя расположеннымъ предсказать судьбу каждому изъ насъ. Взявъ отъ меня чубукъ (мы тогда курили трубки, папирсъ не было), онъ осмотрѣлъ его и медленно, отрывисто изрекъ: «Ты издалека.... Не скоро будешь грѣться твоему солнцу.... доживешь до красныхъ дней!»... Такъ какъ мое пребываніе въ селеніи было всѣмъ извѣстно, немудрено было, что онъ догадался, что я издалека. Абрамову же онъ предсказалъ, также осматривая его чубукъ: «До таянія снѣга.... ты отправишься въ очень дальнюю дорогу.... путь будетъ гладкій.... ты долженъ готовиться къ дорогѣ!» Мы много смѣялись и всячески придумывали, за кого же шаманъ принималъ Абрамова и на какой путь онъ намекалъ? По странной случайности и стеченію обстоятельствъ, недѣли двѣ спустя, Абрамовъ умеръ, когда я еще находился въ Баргузинѣ.

Нельзя не подивиться, что въ этомъ отдаленномъ и дикомъ краѣ, наше Православное Миссіонерское Общество не старается распространять дѣятельность святаго ученія; казалось бы, что съ тихимъ, покорнымъ характеромъ кочеваго Тунгуса, и при отсутствіи всякаго ученія со стороны шамановъ, успѣхи Общества должны бы были быть несомнѣнны. Въ моихъ разъѣздахъ мнѣ не довелось замѣтить малѣйшаго проявленія ученія миссіонеровъ; если и встрѣчалъ я немногихъ Тунгусовъ крещенныхъ, они считались единственно лишь по спискамъ крещенными, не зная своего имени, значущагося по спискамъ. вмѣстѣ съ крещеніемъ Тунгусы облагались ежегоднымъ взносомъ въ пользу священника тремя руб. асс. съ каждой юрты и семьи, за заочное погребеніе, исповѣдь и Св. Причастіе. По недостаточности церквей, крещенный Тунгусъ приписывался къ дальнимъ приходамъ; по обширности же и затруднительности сообщеній, крещенный вынужденъ довольствоваться пріѣздомъ разъ въ годъ священника въ его ставку, болѣе для сбора слѣдующаго ему 3-хъ рубл. оброка, чѣмъ для

исполненія надлежащихъ требъ; нерѣдко новорожденные дѣти отъ крещенныхъ остаются даже некрещенными. Тунгусъ, со смиреніемъ уплачивая налагаемую на него подать, видитъ въ ней лишь тягость, въ сравненіи съ Тунгусомъ неотмѣченнымъ въ спискѣ; въ дѣйствительности же онъ остается прежнимъ Тунгусомъ, принадлежащимъ шаманскому толку. Въ этомъ отношеніи достойна серьезнаго вниманія дѣятельность Англійскаго Миссіонернаго Общества въ Забайкальѣ.

Между Хоринскими Бурятами проживалъ миссіонеръ болѣе уже тридцати лѣтъ, Англичанинъ-католикъ, мистеръ Юліусъ, съ семействомъ, въ выстроенной имъ усадьбѣ и получая отъ Общества 12-ть тыс. франковъ ежегоднаго содержанія. При усадьбѣ былъ и садикъ, и прекрасный огородъ, до двадцати даровыхъ учениковъ изъ Бурятъ, которые обучались грамотѣ, столярному, переплетному и слесарному мастерству; при этомъ имѣлась маленькая типографія. Бурятскій шрифтъ выливался на усадьбѣ, и ученики были наборщиками. Юліусъ печаталъ безъ цензуры переведенные имъ съ Англійскаго разные сказки и рассказы, составилъ Бурятскую азбуку, отпечаталъ ее книжкою, и одинъ экземпляръ подарилъ мнѣ, какъ первую отпечатанную книжку въ Хоринской степи. Экземпляръ этотъ мною былъ врученъ графу Мод. Анд. Корффу, когда онъ завѣдывалъ Императорскою Публичною Библіотекою: книжка, которая, кромѣ только бумаги, была вполне, сочинена, составлена, набрана, напечатана на Бурятскомъ языкѣ и переплетена Бурятскими учениками.

Правда, что на мой вопросъ, много-ли человѣкъ, въ такое продолжительное его пребываніе между Бурятами, ему удалось обратить въ христіанство, мистеръ Юліусъ мнѣ отвѣчалъ очень коротко: «Ни одного! Мнѣ не дозволено обращать Бурятъ въ католичество, а обращать ихъ въ невѣрныхъ (православныхъ) мнѣ совѣсть моя не дозволяетъ».

Обозрѣвъ въ подробности интересное заведеніе Англичанина Юліуса и удостовѣрившись въ отличныхъ успѣхахъ его учениковъ, невольно подумаешь, что достигаемая имъ цѣль не есть цѣль собственно христіанскаго Миссіонерскаго Общества.

Товарищъ Юліуса, также Англичанинъ, католикъ, проживалъ уже болѣе 25-ти лѣтъ между Селентинскими Бурятами и также состоялъ на содержаніи Общества; но мнѣ не удалось познакомиться съ его заведеніемъ и учениками: онъ былъ въ отлучкѣ въ Россіи, и время возвращенія его было неизвѣстно.

Припомнивъ миссіонеровъ Англичанъ, я уклонился отъ Баргузинскихъ моихъ воспоминаній, почему возвращаюсь опять къ моему хо-

зяину Ивану Ивановичу Черныхъ. Въ самый разгаръ моей ревизіи и учета купца Черныхъ, этого общаго благодѣтеля и тяжелаго растовщика, Иванъ Ивановичъ, предвидя вѣроятно не совсѣмъ пріятный исходъ обнаруженія его дѣяній, всячески за мною ухаживалъ и изыскивалъ всевозможныя средства меня склонить къ снисхожденію въ его пользу; впрочемъ и я не скрывалъ, что дѣйствія и вымогательства его не могутъ быть терпимы и что едва-ли ему дозволено будетъ долѣе оставаться въ Баргузинѣ; но вотчина была слишкомъ прибыльная, и лишеніе ея должно было повлечь для Ивана Ивановича значительныя убытки. Онъ и не терялъ надежды, что авось смирятся, и все останется по прежнему. Такъ однажды приносить онъ мнѣ прелестнаго чернаго какъ смоль соболя, какъ особенную рѣдкость, и просить меня принять отъ него на память. Освѣдомясь отъ другихъ, что предлагаемый соболю, по величинѣ, рубашкѣ и высокой добротѣ, дѣйствительно составляетъ величайшую рѣдкость, я объяснилъ Ивану Ивановичу, что мнѣ нѣтъ никакого повода принять отъ него такого цѣннаго подарка, да и ему было бы убыточно разстаться съ такою рѣдкостью; но такъ какъ недавно состоялась свадьба Его Высочества Государа Наслѣдника, то такую рѣдкость было бы прилично поднести новобрачной Великой Княгинѣ отъ дальнаго сѣвернаго жителя Баргузина.

Черныхъ былъ въ совершенномъ недоумѣніи: шучу-ли я, или говорю серьезно? Онъ даже испугался!.... Я вызвался ему написать черновое письмо съ поднесеніемъ Ея Высочеству, и послѣ всевозможныхъ колебаній, онъ, согласно моему совѣту, написалъ письмо, запаковалъ своего чернаго соболя и отправилъ въ Петербургъ.

Отвѣтъ Великой Княгини былъ весьма милостивый. Графъ Олсуфьевъ извѣщалъ, что Ея Высочество поручаетъ его благодарить и предлагаетъ подарокъ въ знакъ ея расположенія. Черныхъ былъ въ полномъ восторгѣ; письмо же графа Олсуфьева было вывѣшено въ золотой рамкѣ около святыхъ иконъ. Но каково было разочарованіе того же Ивана Ивановича, когда со слѣдующею почтою изъ Иркутска было получено предписаніе отъ генерала-губернатора выслать купца Черныхъ изъ Баргузина, какъ неимѣющаго дозволенія отъ правительства проживать между инородцами!

IX.

Въ Иркутскѣ все общество, начиная отъ добраго и милаго генерала Руперта, такъ меня ласкало, до того было пріятливо, что мы съ докторомъ порѣшили, что было бы нелишнее и съ моей стороны

потѣшить общество и сдѣлать что-нибудь выходящее изъ общаго ряда Иркутскихъ баловъ и танцевальныхъ вечеровъ.

Вотъ мы и были въ большомъ недоумѣніи, что сдѣлать, что устроить, какъ угостить, какъ другіе не угощали?

Много было предположеній и плановъ, но во всемъ встрѣчались какія-нибудь препятствія; такъ что мы уже рѣшались дать обыкновенный балъ для всего городского общества въ залѣ купеческаго собранія. Зала хотя маленькая и непригоженькая, но другой не было; по составленію же списка лицъ, которыхъ слѣдовало бы пригласить, ихъ насчитывалось до 160-ти человекъ, и докторъ, перечитывая въ десятый разъ этотъ списокъ, нашелъ: «Кажется претензій быть не можетъ.... всѣ помѣщены на листѣ; il n'y manque que le bourgeois!» *)...

Надобно сказать, что въ то время, до уничтоженія въ нашемъ «Уложеніи о наказаніяхъ» *кну́та*, мнѣ привелось, между прочимъ, изслѣдовать нравственную сторону этого наказанія, почему хотъ и неохотно, но случалось довольно часто присутствовать при экзекуціи и слѣдовательно встрѣчаться съ палачемъ.

Въ самый моментъ нашихъ горячихъ размышленій, приѣзжаетъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ. Послѣ дебатовъ объ устройствѣ праздника, согласно предложенію Артамона, мы порѣшили: воспользоваться хорошею погодою (это было въ началѣ Іюня) и дать за городомъ балъ на воздухѣ, un bal champêtre.

За городомъ, въ верстѣ отъ Иркутска, протекаетъ очень быстрая рѣченка Ушаковка, хотъ и мелкая, но весьма широкая и красивая; вся эта мѣстность покрыта густымъ насажденіемъ, молодымъ березнякомъ, любимая роща Иркутскихъ барынь, гдѣ онѣ обыкновенно катаются въ шарабанахъ по тѣнистымъ и извилистымъ дорожкамъ. Вырубить площадку въ этомъ лѣсочкѣ и устроить залъ было дѣломъ возможнымъ. Закипѣла работа.

День бала былъ назначенъ, приглашенія по городу полетѣли, нижніе чины жандармскаго полу-эскадрона и внутренняго баталіона, въ четыре дня, по указанію Муравьева, сдѣлали то, чего я и самъ не ожидалъ. Въ чащѣ густаго лѣса солдатики вырубили обширную овальную залу, настлали полъ, стѣны были совершенно сплошныя изъ зелени. Въ одномъ концѣ овала была устроена гостинная для дамъ и поставлены карточные столы, середина предназначалась для танцевъ, а другой конецъ залы былъ занятъ буфетомъ и столами для ужина. Весьма оригинально и ново было то, что эта часть залы отдѣлялась

*) Не достаетъ только палача.

отъ танцующихъ тою же рѣченкою Ушаковкою, которая протекала поперекъ всей залы, для сообщенія же съ буфетомъ было перекинута два мостика съ перилами изъ того же березняка. Интендантскій чиновникъ изъ любезности отпустилъ солдатскаго сукна обтянуть полъ въ гостинной, и парусины для танцевальнаго зала. Гостинная была покрыта въ видѣ палатки, и все было убрано, украшено краснымъ кумачемъ и фонариками. Муравьевъ устроилъ изъ березника три огромныя люстры, опрокинутымъ конусомъ, свѣчи были вставлены на обручакъ въ зелени, все было меблировано. Словомъ, все было убрано, разукрашено такъ, что хлопоты и старанія наши превосходили ожиданія, и оригинальность праздника дѣлала честь давшему эту мысль.

Погода, какъ я уже сказалъ, стояла прелестная, все обѣщало успѣхъ. Хотя съ самаго утра набѣгали тучки и наводили на меня лихорадку, но къ моему счастью и къ большому успокоенію старика Артамона Захаровича, который съ ранняго утра былъ уже на мѣстѣ и не разставался съ привезеннымъ барометромъ, все обошлось благополучно, безъ дождя; только во время ужина загремѣлъ громъ и тѣмъ еще болѣе придавъ торжественности празднику.

Наконецъ насталъ день! Къ шести часамъ стали съѣзжаться, было еще свѣтло, съѣхалось до 120-ти человѣкъ. Зала поразила моихъ гостей невиданнымъ убранствомъ. Начались танцы и загремѣла музыка, матушки и старички разсѣлись за карточные столы и углубились въ ихъ бостонъ; мороженное, шампанское, обычное питіе въ Сибири, разносилось вдоволь, всѣ были особенно въ веселомъ настроеніи. Между прочимъ былъ уговоръ, чтобы туалеты дамъ, для приданія празднику болѣе вида *bal champêtre*, были по возможности безъ претензій; но нѣкоторыя не выдержали, чтобы не похвалиться нарядомъ и явились въ брилліантахъ. Къ этому надобно прибавить, что брилліанты у Иркутскихъ барынь-купчихъ дѣйствительно такіе, что есть чѣмъ похвастать.

Къ девяти часамъ стало темнѣть, а какъ засвѣтили люстры, фонарики, и зажгли Бенгальскіе огни, зала превратилась во что-то фантастическое. Если она при дневномъ свѣтѣ поражала Иркутянъ убранствомъ, то при освѣщеніи огнями, она имъ показалась чуть-ли не волшебною. Оркестръ для танцевъ былъ выписанъ изъ Красноярска, нашъ же Иркутскій долженъ былъ играть во время ужина.

Изъ дамъ любовь Александровна Пятницкая, Елена Вильгельминовна Рупертъ, Медвѣдникова, баронесса Сильверсгельмъ, Сельская, свою любезностію придавали танцамъ большое оживленіе.

Въ 11-ть часовъ столы были накрыты для ужина, *à la fourchette*; по неимѣнію кухни, ужинъ былъ холодный. Особенныхъ растений въ

Иркутскъ не было, пришлось убрать столы букетами и гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ. Бенгальскіе огни изъ-за зелени придавали какую-то таинственность. Когда же за ужиномъ загремѣлъ громъ, дождя не было, музыка, пѣсенники (строители-солдатики) смѣшивались съ перекатами грома, ракетами и бураками, которыми распорядился Вадковскій *). Все это было чрезвычайно эффектно и шумно.

Послѣ ужина потушили огни, продолжали танцевать и въ четыре часа утра разъѣхались по домамъ. Праздникъ удался въ полномъ смыслѣ слова; такого въ Иркутскъ и не бывало, всѣ были очень довольны, въ особенности я, какъ хозяинъ, былъ доволенъ болѣе другихъ.

Усталый, измученный вернулся я домой въ 5-ть часовъ утра, гдѣ меня уже дожидались и Муравьевъ, и Вадковскій. Въ порывѣ нашего разговора объ удачномъ во всѣхъ отношеніяхъ вечерѣ, вошелъ ко мнѣ мой докторъ Иванъ Сергѣевичъ, взволнованный, блѣдный и раздраженный до крайности. Я никакъ не могъ понять и сообразить, какая тому причина? Подъ впечатлѣніемъ всего дня и приготовленій въ этотъ же день къ отъѣзду моему въ Енисейскъ, я не могъ дать себѣ отчета въ его раздражительности. Видите.... ему показалось, что я слишкомъ усердно ухаживалъ за Пятницкою, къ которой онъ былъ тогда не совсѣмъ равнодушенъ, и выдумалъ меня ревновать! Шибко онъ меня раздосадовалъ. Ссора принимала размѣры серіозные, и только благодаря моимъ собесѣдникамъ Муравьеву и Вадковскому, мой Персинъ поутихъ и успокоился, и тѣмъ миновалось столкновение съ человѣкомъ, котораго я искренно любилъ и уважалъ.

Въ восемь часовъ утра, не спавши всю ночь и не отдохнувъ, я выѣхалъ на золотые промыслы. Персинъ на прощаніи протянулъ мнѣ руку, и мы разстались прежними друзьями.

*) Бывшій артиллеристъ Вадковскій и Муравьевъ, понятно, не могли быть на балѣ, но извнѣ распоряджались и хлопотали съ фейерверкомъ и иллюминаціею. Безъ нихъ я бы пропалъ.